

ДМИТРИЙ ДАШКО

ДЖИГА СО СМЕРТЬЮ

Взялся плясать со смертью, пляши до конца

МУЖСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

«КРЫЛОВ»

Гэбрил Сухарь

Дмитрий Дашко

Джига со смертью

«Крылов»

2014

Дашко Д. Н.

Джиги со смертью / Д. Н. Дашко — «Крылов», 2014 — (Гэбрил Сухарь)

Если ты детектив, то знаком с истиной: «Много тварей на свете, но самая жестокая – человек». Особенно хорошо это усваивается на войне. Сержант Гэбрил по прозвищу Сухарь возвращается с войны в свой родной город. А здесь все по-прежнему: грохочут по мостовой дилижансы, звенят золотом ростовщики и ломбарды, выбивают долги бандиты. Ну и конечно, плетутся интриги и совершаются преступления. Солдатские тряпки надоели хуже горькой редьки и что-то надо есть. Бывший сержант берётся за привычное ремесло частного детектива. И сразу попадает на дельце повышенной сложности и опасности. Сыщику отведено всего две недели, чтобы его распутать. Если не уложится – его клиент умрет... Легко начать плясать джигу со смертью, но с ней, если уж взялся, приходится танцевать до самого конца.

© Дашко Д. Н., 2014

© Крылов, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Дашко Джига со смертью

Глава 1

Кочевников разгромили за девять месяцев (время вполне достаточное для того, чтобы обзавестись потомством), еще два понадобилось полковой канцелярии, дабы составить

бумажку о демобилизации, месяц ушел на сбор необходимых подписей, неделю приказ о моем увольнении лежал под сукном полковника Брегея, пока тот искал повод удержать меня в армии еще хоть какое-то время. Вероятно, рассчитывал, что кочевники снова возьмутся за старое и тогда приказу грош цена. К счастью, степняки зализывали раны и пока не помышляли о новых вторжениях.

Ничего не попишешь! Полковник вызвал меня на ковер и, вздыхая, как беременная лошадь, вручил приказ об увольнении. В качестве ответной любезности я передал ему бутылочку хорошего вина, специально припасенного по такому случаю. Правда, на мой взгляд, случай этот несколько подзадержался, но полковник считал совершенно иначе.

Как бы то ни было – я снова стал штатским человеком. Вот она, свобода!

По законам королевства мне полагался оплачиваемый двухнедельный отпуск, однако в штабе решили сэкономить на отпускных. В итоге меня просто уволили на полмесяца раньше срока. Я не возражал. Случись что за эти две недели и – прощай гражданин!

За все время службы я так и не удосужился получить причитавшееся жалование (солдату деньги не нужны), поэтому после посещения полковой казны карманы потяжелели. Сумма, может, и не умопомрачительная, но на месяц жизни в столице должно хватить.

Пассажирский дилижанс доставил меня на центральную станцию. Отсюда до офиса, в котором теперь заправляла Лиринна, минут сорок ходьбы. Я уже давно не дышал воздухом городских улиц и потому решил прогуляться.

За год, прошедший с того дня как бравый капрал принес мне повестку в армию, столица изменилась мало. Война обошла ее стороной. Жители города со времен восстания баронов-мятежников успели позабыть, что такое осада, голод, падающие навесом мортирные ядра или камни, выпущенные из катапульт, смрад пожаров, котлы с кипящей смолой, приставные лестницы на зубчатых стенах и военные патрули на улицах.

Я с удовольствием разглядывал веселые и безмятежные лица встречаемых прохожих и ощущал прилив сил. Девушки дарили свои улыбки (тешу себя надеждой, что им нравился молодцеватый сержант с подобающей выправкой), детишки бежали по дороге с криками «Мама, посмотри, какой дядя-солдатик идет!», а мужчины норовили пожать руку.

Определенно, мне нравилась эта атмосфера праздника. В такие дни хочется дать себе кучу обещаний, а потом не выполнить.

Эх, война-война! Она обошла меня недешево: я дважды попадал в госпиталь с ранениями средней тяжести и, возможно, потерял свой бизнес.

Лиринна не раз присылала подробные письма-отчеты, в которых сообщала, как продвигается то или иное расследование, за которое бралась. Люди, не знавшие, что я призван в армию, по инерции тянулись в наше агентство, но большинство не решалось довериться девушке, пусть даже самой очаровательной на свете. Хотя смельчаки все же находились, и эльфийка справлялась. Кажется...

Письма Лиринны были полны оптимизма, но я чувствовал, что она не договаривает. Убедиться в этом пришлось буквально через пару минут, после того, как пересек холл, в котором привратник со скучающим видом разгадывал газетные кроссворды. Судя по тому, что клеточки для слов за редким исключением были пусты, он не особо преуспевал.

– О, мистер Гэбрил! Вы демобилизовались?

– Нет, дезертировал. Никому не говорите о нашей встрече. Придется отстреливаться, если сюда заявятся парни из военной контрразведки. Подумайте, как это скажется на репутации вашего заведения.

– На заведение мне плевать. А вы все шутите, мистер Гэбрил?

– Угу. Шучу. Привратник усмехнулся:

– Вижу, армия вас не изменила.

– Я тоже не смог ничего с ней поделаться. Привратник доверительно склонился ко мне большой, как у королевской гончей, головой и тихо произнес:

– Мистер Гэбрил, я не могу, конечно, знать этого твердо, но у миссис Лиринны, похоже, большие неприятности.

Я насторожился.

– О каких неприятностях идет речь?

– Только что о ней спрашивали ребята Толстого Али, потом они поднялись наверх. Вы с ними немного разминувшись.

– То есть они уже должны быть у меня в офисе?

– Да, мистер Гэбрил.

– Спасибо за предупреждение, – поблагодарил я услужливого малого и припустил по лестнице, перелетая через две ступеньки.

Толстый Али был мне хорошо знаком. В этом нет ничего удивительного. Люди, стоящие по разные стороны закона, вынуждены знать, с кем приходится иметь дело.

На толстяка работали все ломбарды и ростовщики города. Он и раньше был большой шишкой, а теперь, после бегства Мясника, раздулся от важности как воздушный шар. Если кто-то не мог вернуть взятые в долг деньги, за него принимались парни Толстого Али. Они умели выдоить корову досуха и выжать из камня влагу методами, о которых на ночь лучше не читать.

Появление этих типов в моем офисе могло означать только одно: у Лиринны нет денег и полно долгов. Парни пришли трясти ее как грушу, однако эльфийка не пустила их дальше дверей. Я уже издали услышал доносившиеся из коридора гулкие отголоски разговора, шедшего на повышенных тонах.

Бандиты напирали, чувствуя себя хозяевами положения. Никакая полиция не придет на помощь должнику, особенно если он должен деньги Толстому Али.

Я осторожно выглянул за угол и увидел, что эльфийку обступили трое плотных ребят в непромокаемых плащах и широкополых шляпах, надвинутых почти до самого носа. Так, по их мнению, должны были выглядеть по-настоящему крутые парни.

– Ты обещала вернуть бабки еще на прошлой неделе. Где они?

Говорил самый длинный с грубыми чертами лица, словно высеченными из камня. Остальные пока не вмешивались, но внимательно прислушивались. Все трое не выпускали рук из глубоких карманов плащей, в которых определенно что-то находилось, и я догадывался, что именно. Эти ребята даже душ без пистолета не принимают.

– У меня будут деньги, обязательно... на следующей неделе, – пыталась оправдаться эльфийка.

Даже я на расстоянии в десять шагов понимал, что она сама не верит в то, что говорит. Парни Толстого Али не верили тем более.

– Мы уже в третий раз слышим одну и ту же песню, – презрительно бросил длинный. – Нам нужны деньги, а не оправдания.

– Но у меня сейчас нет денег, – жалобно произнесла Лиринна.

– Остроухая, можешь вывернуться на изнанку, но бабки все равно отдай.

Я почувствовал, как внутри закипает настоящий вулкан. Очевидно, девчонка сама ощущала себя виноватой, поэтому и позволяла этим негодяям так собой помыкать. Иначе троицу не спасла бы вся карманная артиллерия.

– В противном случае у тебя будут очень серьезные проблемы, крошка, – продолжал изгаляться длинный. – Или ты гонишь деньги на бочку, или мы найдем достойное применение твоему красивому личику и телу, остроухая. На таких, как ты всегда полно любителей. Смазливые девчонки пользуются большим спросом в борделях.

Лиринна страшно побледнела. Назревала гроза.

Я поспешил выйти из-за укрытия, пока не случилось непоправимое. Если эльфийка сейчас отделает этих парней, Толстый Али развяжет против нее (а значит и против меня) войну с известным результатом. Чью сторону примет полиция в лице лейтенанта Морса – к гадалке не ходи. При таком раскладе Лиринна окажется между молотом и наковальней.

– Привет парни! – Улыбка до ушей на моем лице должна была стать свидетельством самых дружелюбных намерений.

– Тебе чего здесь надо? – недоуменно уставился длинный. – Мы тебя не звали. Проваливай-ка, пока цел.

– Зачем же так грубо? Ведь это вы пришли ко мне в гости, а не я к вам.

– Гвоздь, я, кажется, понял, кто это, – произнес один из дотоле молчавших молодчиков.

– Ну? – На лице длинного появился немой вопрос.

– Это босс эльфийки. Его Сухарем кличут.

– Откуда он нарисовался? Его же вроде в армию забрали... – удивился Гвоздь.

– Забрали, – подтвердил я, – а потом отдали. Так чем обязан, господа?

– Нам нужны деньги, – сообщил Гвоздь.

– Вы не очень оригинальны, господа. Всем нужны деньги.

– Нам нужны наши деньги. Разумеется, со всеми причитающимися процентами.

– О какой сумме идет речь?

Гвоздь назвал. Я невольно присвистнул: Лиринна вляпалась по-крупному.

– Насколько я понимаю, основную часть составляют проценты?

– Да, – не стал отпираться Гвоздь. – Девчонка не расплатилась вовремя, и мы поставили ее на счетчик.

Счетчик – страшная штука. Вы возьмете один золотой рилли и, если не отдадите в положенное время, то не успеете моргнуть глазом, как окажетесь должны сотню. В данном случае, Лиринне накрутили на пятьдесят золотых рилли, взятых в долг, почти полштуки. Это – вечная кабала.

У меня при себе было около семидесяти золотых – сержантская зарплата за год боевых и не очень действий. Я открыл бумажник и пересчитал купюры, потом отложил одну в задний карман брюк (есть и пить надо и мне, и Лиринне), оставшиеся деньги отдал Гвоздю.

– Здесь только часть. Следующую верну в субботу.

Суббота – это всего через три дня. Я рассчитывал на помощь Гвенни: свободных денег у него почти не водилось, но сотней разжиться вполне реально. Дальше оставалось полагаться на удачу. Вдруг подвернется хороший клиент, готовый оплатить любые издержки? Правда, в последнее слабо верилось, но парни Толстого Али об этом не знали.

Длинный забрал деньги, присоединив их к толстой пачке купюр, туго стянутых бечевкой. Лиринна была не первой, кого посетили эти ребята и, скорее всего, не последней.

– Хорошо, Сухарь, не забудь. Мы придем в субботу. Только попробуй обмануть и скрыться из города...

– Главное, вы не забудьте, – сказал я, захлопывая дверь. Жаль, что Гвоздь успел убрать свой слишком длинный нос.

Замок барахлил и нуждался в регулировке. Дверь закрылась неплотно, но это была не самая худшая из проблем.

Эльфийка заплакала. Такой подавленной я ее не видел.

– Прекрати, пожалуйста, Лиринна, – произнес я, утирая ей слезы носовым платком. – На улице и без того полно луж.

Плечи эльфийки тряслись, она содрогалась от рыданий и не могла взять себя в руки. Да, не такой я представлял нашу встречу после годичной разлуки.

– Хватит плакать, детка. Слезами тут не поможешь. Лучше расскажи, зачем ты связалась с этой компашкой?

– Гэбрил, – жалобно всхлипнув, начала эльфийка, – после твоего ухода, дела пошли наперекосяк. За весь год у меня было очень мало клиентов, к тому же двое отказались заплатить, потому что результаты расследования их не удовлетворили.

– Позже ты назовешь их имена, и я побеспокоюсь, чтобы они нанесли визит стоматологу. Продолжай, детка.

– Владелец здания поднял плату за аренду офиса. На нее пошли практически все деньги из компенсации, что тебе дали из королевской казны.

– Замечательно. Если наш владелец раньше был просто жадным ублюдком, то теперь стал очень жадным... До какого срока у нас заплачено?

– До понедельника, – снова заплакала Лиринна. – У меня совсем не осталось денег. Что будем делать, Гэбрил?

– Искать другую собачью будку. Эта стала слишком роскошной.

– Но, Гэбрил, мы тогда совсем растеряем клиентов. Богатые люди доверяют только тем, кто живет в центре.

– Детка, они доверяют репутации, а у меня с ней полный порядок. Стоит только свистнуть, как за дверями соберется целая очередь.

– Честно?

Я боялся, что меня выдаст голос, поэтому только кивнул. Лиринна чуточку успокоилась.

– Я стала искать, у кого можно было бы одолжить немного денег, – продолжила она уже не столь унылым голосом. – Мы сами живем бедно, и знакомые семьи тоже не могут позволить себе лишнего.

– А Гвенни? Ты к нему обращалась?

– Я постеснялась, – призналась Лиринна.

– Напрасно. Ты ему нравишься.

Лиринна польщено улыбнулась. Дальше можно было не продолжать. Девчонка набрела на одну из контор, принадлежавших Али. Там ей ссудили немного монет, а когда Лиринна не смогла вернуть долг – взвинтили проценты. История старая как мир.

В горле пересохло. За время поездки в дилижансе я успел наглотаться пыли и забыть что такое влага.

– У нас есть кофе? – спросил я.

– Нет, – потупилась Лиринна. – Чай тоже кончился. Можно заварить немного сушеной земляники, она помогает.

– Не в нашем случае, – хмыкнул я. – Посиди здесь, я что-нибудь придумаю. Буду скоро, никому кроме меня не открывай.

– Ладно, – чирикнула Лиринна.

– Вот и молодец! Ни о чем не переживай, все будет в порядке!

Кажется, я давно не видел аквариумных рыбок Гвенни, но встретиться с ними сегодня было не суждено.

– Дверь была плохо закрыта, поэтому я не постучал, – этот голос мог принадлежать только одному человеку.

Адвокат Марсен, мой сосед, стоял на пороге и улыбался, сверкая тридцатью двумя белыми как снег зубами.

– Привет, дружище, рад тебя видеть, – просиял я.

– Взаимно!

Сил у адвоката было хоть отбавляй. Его рукопожатие едва не сделало из моей руки блин.

– Я краем уха слышал, что у вас неприятности с парнями Толстого Али, – начал он.

– Пустяки, – сморщился я.

Не хватало еще и Марсена вмешивать в наши дела. Он мог одолжить свой смокинг, снять с себя последнюю рубашку, но денег не одалживал никому и никогда. Принципиально.

– Пятьсот золотых рилли – это, по-вашему, пустяки? – удивился Марсен. – Гэбрил, ты что, прикупил золотой прииск?

– А что, по мне не видно?

– По тебе видно только одно: ты увяз по горло в трясине и совсем скоро уйдешь на самое дно.

– Можно сказать и так. Если ты здесь не для того, чтобы попрыгать на моей голове и утопить до самой макушки, значит, у тебя есть какие-нибудь идеи...

– Есть, – кивнул Марсен. – Приходи ко мне через полчаса. Я познакомлю тебя с потенциальным клиентом. Если возьмешься за его дело – появится шанс сбросить удавку Толстого Али. Придешь?

– Этот человек при деньгах?

– Человек... хм! Пусть будет человек. Если тебя интересует его финансовая состоятельность, то у этого парня только в бумажнике лежит больше денег, чем во всей королевской казне, а бумажников у него много.

– Слышишь шаги в коридоре? Это мои, – заверил я Марсена.

Большие деньги ведут к большим неприятностям, но для нас ни количество, ни качество неприятностей уже не играли роли. Я отчаянно нуждался в деньгах и был готов ради них на самые безумные поступки.

Солдатские тряпки успели надоесть хуже горькой редьки. К счастью, Лиринне не пришлось в голову выбросить мой старый гардероб, поэтому после небольшой чистки и глажки я был готов к встрече хоть с самим королем или королевой. Лучше с королевой.

Полчаса пролетели незаметно. В назначенное время я уже был у дверей Марсена, от нетерпения приплясывая джигу. Однако попасть в кабинет адвоката было непросто. В коридоре стоял бритоголовый крепыш и караулил дверь. Очевидно, чтобы не сбежала.

Я решительно направился к двери, но крепыш моментально преградил путь. Пахло от него потом и желанием устроить хорошую драчку. В другое время я бы помог ему и с тем и с другим, но только не сейчас: ужасно не хотелось опаздывать.

– Сделайте одолжение, мистер, пропустите меня к моему другу, адвокату Марсену, – я старался быть подчеркнуто вежливым и знал, что крепышу моя манера изъясняться была не по душе.

– Нельзя, – рявкнул он.

– Почему?

Этот вопрос поставил его в тупик. Наконец, он все же выдал из себя:

– Нельзя и все тут.

– Мне можно, – заявил я, отодвигая его в сторону.

Парень взял стойку и приготовился вцепиться в горло, при этом нос его сопел как у бульдога.

– А я сказал «нельзя», – закипая, сообщил крепыш, возвращаясь в исходное положение и продолжая оттирать от дверей.

Разрулить ситуацию можно было только одним способом.

– Ой, кто там? – воскликнул я, указывая куда-то за спину крепыша.

Он не удержался от соблазна и чисто рефлекторно оглянулся. Я двинул ему ребрами ладоней по почкам. Получилось чувствительно. Парень ойкнул и присел на корточки.

– Извини, приятель, слов ты не понимаешь, – сказал я, открывая дверь.

В глазах крепыша застыл немой укор обиженного олененка, но на меня это не подействовало. Я летел на волнующий запах денег.

В кабинете Марсена сидели трое – сам адвокат, его секретарша Тина и неизвестный гном в дорогом костюме, поверх которого лежала причесанная окладистая борода. Мне показалось, что в бороду были вплетены позолоченные ленточки. Наши невысокие друзья считают бороды

непременным атрибутом внешности и символом мужественной натуры, поэтому ухаживают за ними сильнее, чем за женами. Увидев меня, гном поправил очки в толстой роговой оправе и удивился:

– Как вы смогли сюда войти? Там же Дирк!

– Дирк – это тот парень в коридоре? – уточнил я.

После того, как гном утвердительно кивнул бородой, я сообщил:

– Дирк неважно себя чувствует. Тина, солнышко, отнеси ему водички.

Тина со смешком встала с места и направилась в коридор со стаканом воды, налитым из кувшина с узким горлышком. Стоил этот сосуд прилично. Я слышал, что на него при изготовлении было наложено особое заклятие, делающее воду всегда свежей и прохладной, вне зависимости от того, когда ее налили.

Тина успела на ходу чмокнуть меня в щеку влажными губами. Я вытер рукой следы от поцелуя (хм, я почему-то надеялся, что первой будет все же Лиринна) и вопросительно посмотрел на Марсена. Он перехватил взгляд и улыбнулся.

– Мистер Таг...

– Мастер Таг, – поправил гном. – У вас, людей, мистеры, а у нас, гномов, мастера. Прошу впредь не забывать.

– Простите, мастер Таг. Вот – человек, о котором я рассказывал. Думаю, ему ваше дело будет по плечу.

Гном смерил меня взглядом сквозь очки с толстыми линзами. Оказывается, этот парень слепой как крот!

Я был в два раза выше его ростом, но мастер Таг умудрился посмотреть на меня свысока.

– Это надежный человек?

– Надежней не бывает, – заверил гнома Марсен. – Я знаю его не первый год.

Гном потянул пальцами кончик ухоженной бороды и задумался. Пока он прокручивал в голове варианты, я разглядывал перстни на его руках. Их было ровно десять – по одному на каждый из пальцев. Я не ювелир, однако знал, что любой из этих перстней решит наши денежные затруднения. Вернулась Тина.

– Дирк уже пришел в себя и спрашивает, что ему сделать с этим нахалом? – девчонка стрельнула в меня смеющимися глазами.

– Ничего, – сообщил гном. – Я не хочу, чтобы из моего лучшего телохранителя сделали котлету. Я плачу Дирку деньги не для того, чтобы он потратил их на лекарства.

– Ваш Дирк сделал все что мог, – примирительно произнес я. – Он просто не ожидал, что я применю несколько подлых приемчиков.

– Дирк должен быть готов к любым приемам, – сверкнув глазами, изрек гном.

Он был прав, и я не стал спорить. Тем временем Марсен взял быка за рога:

– Так что скажите, мастер Таг, о Гэбриле? Он подходит?

– Думаю, да, – поджал губы гном. – Придется поверить вам на слово.

– Мастер Таг, вы не пожалеете. Гэбрил – то, что вам надо!

– А он дорого берет за услуги? – с опаской спросил гном.

Так, решающий момент. Интересно, какой ответ может устроить мастера Тага? Если Марсен скажет, что я дорогой детектив – это может отпугнуть гнома. С другой стороны, гном, возможно, привык получать самое лучшее, и если Марсен продешевит – мастер Таг откажется.

– Очень дорого, – наконец решился адвокат, и гном с облегчением вздохнул.

Когда вам в последний раз доводилось видеть щедрого гнома? Неужели мне настолько повезло?

– Я работаю в паре, – сообщил я гному. – У меня есть помощница, поэтому оплата должна быть двойной.

Гном покусал губы. Он понимал, что его пытаются развести на бабки, но, видимо, отчаянно нуждался в моих услугах. А ведь я до сих пор не знал, что ему нужно, однако пер нагло, как носорог.

– Не возражаю, – скрипя зубами произнес гном.

– Задаток попрошу вперед, – я ринулся в атаку, закусив удила, и снова не поинтересовался, что гному нужно. Возможно, зря. Вдруг ему срочно понадобилось чучело частного детектива для частной таксидермической коллекции?

– Сколько?

– Пять сотен рилли. Золотых.

– Ого! – Гном уронил свою челюсть до самого пола, а потом с трудом закрыл рот при помощи рук.

Скрежет зубов гнома, должно быть, было слышно даже на улице.

– И еще полсотни на предварительные расходы, – совсем распоясавшись я.

Это окончательно добило гнома. Трясущимися руками он вытащил из кармана чековую книжку и нарисовал несколько заветных цифр, потом аккуратно отделил чек и протянул. Я рванул с такой силой, что чуть было не оторвал чек вместе с руками.

– Вы отработаете все до последнего медяка, – предупредил мастер Таг.

За это время он постарел лет на десять.

– Не сомневайтесь, – заверил я. – Что я должен сделать за эти деньги – взорвать королевский дворец?

– Пусть дворец останется в покое. Нужно, чтобы вы нашли одну вещь.

– Потерявшуюся или украденную? – поспешил уточнить я.

– Украденную, – твердо заявил гном. – Она дорога мне настолько, что если вы не найдете ее в ближайшие две недели – я умру.

– Естественной смертью? Неужто она ему настолько дорога?

– Нет, меня убьют, – грустно улыбнулся гном. Только тогда до меня дошло, что я вляпался во что-то очень нехорошее, но давать задний ход было поздно.

Есть люди, которые придерживаются мнения: лучший гном – мертвый гном. Я не из таких.

– О какой вещи идет речь?

– Мы, гномы, называем ее Ган-Ли.

– Впервые слышу об этой штуке.

– Не называйте Ган-Ли штукой, – рассердился гном.

– Желание клиента для меня закон, но я все равно ничего о ней не знаю.

Марсен приподнялся со своего кресла. За этот год он успел поднакопить жира – очевидно, Тина хорошо готовила. А ведь на его месте мог быть я!

– Думаю, что вам лучше обсудить дальнейшие детали в моем офисе, Гэбрил, – предложил адвокат. – Что скажете, мастер Таг?

Мастер Таг сложил губы трубочкой и что-то пропыхтел. Понимай, как хочешь. Иногда эти гномы бывают такими воображаками, что заткнут за пояс любого самого вздорного эльфа. Уж я-то это знаю!

– Действительно, мастер Таг. Пройдемте к нам. Я угощу вас отваром из земляники. Очень помогает, – повторил я слово в слово фразу эльфийки и не удивился, когда услышал в ответ до боли знакомое:

– Не в нашем случае...

Когда мы вышли из кабинета Марсена, Дирк уже отошел, однако выглядел так, словно стоял одной ногой в могиле. Мастер Таг укоризненно покачал головой. Этот кивок предназначался обоим – мне за то, что я вывел из строя движимое имущество гнома, телохранителю за то, что оплошал. Подозреваю, что в коридоре я проходил проверку на вшивость или, если

хотите, на профпригодность. Вряд ли мастеру Тагу нужен мямля или маменькин сынок. Если бы не прошел – разговор с гномом просто бы не состоялся.

Все что мы с Лиринной могли предложить гному в нашем офисе – детальный разговор и пресловутый земляничны́й отвар. Мастер Таг не отказался, однако землянику пил гораздо охотней, чем делился крупинками информации. Из него буквально приходилось тащить клещами каждую фразу.

– Скажите, мастер Таг, что такое Ган-Ли? – я обнаружил, что блокнот остался на своем месте в ящике письменного стола и обрадовался так, словно нашел купюру в сто рилли.

– Ган-Ли – это своего рода талисман на удачу и одновременно знак целого рода.

– А что он собой представляет? – я сделал первые пометки в блокноте.

– Это глиняная фигурка...

– Глиняная? – удивились мы с Лиринной. Гномы – большие любители повозиться с металлами, но вот глина...

– Ничего удивительного, – буркнул мастер Таг. – Ее сделали не мы, гномы.

Тут мастер Таг замолчал. Издевается, что ли?

Я не выдержал первым:

– А кто?

– Наши Прародители, – гордо ответил гном.

– Кто, простите?

– Прародители, – пояснил гном. – Не бабушки и дедушки, как вы могли бы подумать, а те, кто когда-то давно создал наш мир и населил расами.

Ага, слышал я о такой теории. Дескать, много-много лет назад, мир наш был сотворен из ничего некими сверхмогущественными существами. Очевидно, им совсем нечего было делать, и тогда они слепили из того, что было целый мир, а потом от скуки создали людей, гномов, эльфов и прочих существ, причем по поводу порядка появления на свет каждая раса придерживается собственного мнения.

– Понятно, а почему людям Ган-Ли не достались?

– Наверное, потому что мы, гномы, были первыми! – Все ясно, и этот туда же.

Каждому охота сообщить, что первыми на свет вылупились именно его сородичи. Это же так льстит самолюбию! Хотя я придерживаюсь мнения, что первый блин всегда выходит комом, а значит, первыми могли быть только мы – люди.

Я едва удержал Лиринну, которой не терпелось изложить свою версию (догадываетесь какую?). Не стоило терять хорошего клиента из-за принадлежности к другой философской школе.

– Можно узнать о внешнем виде Ган-Ли? Какой он?

– Вы меня перебили, – заворчал гном, – и я не успел ничего толком рассказать. Ган-Ли – маленькая глиняная фигурка высотой сантиметров двадцать. Она изображает одного из Прародителей. У меня с собой рисунок.

Гном положил на стол карандашный набросок, и мы с эльфийкой впились в него глазами. Моим первым мнением было, что прародителям стоило больше обращать внимания на собственную внешность, а уж только потом стряпать миры и их обитателей. Очень уж на редкость отталкивающими существами казались те, кто нас создал. Внешне они были чем-то похожи на все основные расы нашего мира и в то же время не похожи ни на кого – туловище с двумя руками и ногами, однако конечности отличались своей непропорциональной длиной; голова в виде яйца (на язык так и просилось слово «яйцеголовые»); уши, опущенные книзу, как у спаниелей, и глаза, такие печальные-печальные, как у больной коровы.

– Скажите, пожалуйста, я могу взять этот рисунок с собой? – спросил я.

– Да, у меня еще есть.

Я люблю искать то, о чем имею хоть какое-то представление. Желательно не только визуальное.

– Вы сказали, что ваша жизнь в опасности. Почему?

Гном сморщился. Мы подобрались к теме, которая была ему глубоко неприятна.

– Ган-Ли – своего рода полковое знамя. Что происходит у людей, если знамя полка пропадает или достается врагу?

– Полк расформировывается, командир полка попадает под трибунал, приговор которого всегда один – казнь.

– Так и у нас, гномов. Род, утративший Ган-Ли, свидетельство доверия Прародителей, становится изгоем, проклятым родом, с которым не захочет иметь дело ни один порядочный гном. Тот из хранителей, кто не уберег Ган-Ли, обязан кончить жизнь самоубийством, иначе его подвергнут пыткам, а потом казнят самой страшной казнью на свете. Он будет гнить заживо, молить о смерти, но его муки продлятся три дня и только потом неудачливого хранителя убьют.

– Вы рассказываете ужасные вещи. Это же дикость какая-то! – вспыхнула впечатлительная Лиринна.

– Я говорю правду. Поверьте, на гномий взгляд люди и эльфы тоже порой творят невообразимо дикие вещи! – Задетый за живое, гном оцетинился и приготовился дать отпор дальнейшим нападкам эльфийки.

– Давайте успокоимся, – предложил я. – Не будем вмешиваться во внутренние дела наших рас. Все мы – люди, гномы и эльфы – очень разные. В нас есть и хорошее и плохое.

– Только в ком-то плохого больше, чем хорошего, – не удержался и буркнул гном, косясь на Лиринну.

Интересно, как эльфы и гномы уживаются в одном Квартале? Эти двое знакомы только пять минут, но уже готовы вцепиться друг в друга.

Я поступил как рефери на боксерском ринге – развел разгоряченных противников по разным углам. Лиринна отправилась в банк обналичивать чек. (Зная, какие штуки она вытворяет, я не беспокоился о возможном ограблении. Если бы Лиринну все же рискнули ограбить – жалеть пришлось бы не ее, а налетчиков). Гном же выдавил из себя очередную скудную порцию информации.

Вот, что удалось из него выжать: в роду мастера Тага было трое хранителей, каждый имел право держать у себя статуэтку не более месяца, потом ее забирал другой хранитель и так далее, по кругу.

Вчера статуэтка пропала, через две недели за ней должен заявиться следующий по очереди гном, облеченный высоким доверием палить на Ган-Ли целый месяц. Время поджало мастера Тага как тиски, и он решил обратиться за советом к давнему поверенному в делах – адвокату Марсену.

Почему не в полицию? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности. Во-первых, копы редко когда держат язык за зубами, стоило бы Тагу к ним сунуться и скоро гномы всей столицы были бы в курсе неприятностей мастера Тага. Во-вторых, в полиции служат люди, а уж как они относятся к Другим – не мне вам рассказывать.

Адвокат узнал, что я отслужил свое и вновь вернулся к профессии частного детектива и вечным финансовым затруднениям, поэтому быстро нашел подходящее решение. Я скушал по деньгам, гном – по статуэтке. Мы были хорошей парой и нуждались друг в друге сильнее, чем полушария головного мозга. Отсюда и аттракцион невиданной щедрости, проявленный мастером Тагом. Он согласился на мои грабительские расценки, лишь бы я разыскал столь драгоценную его сердцу статуэтку Ган-Ли.

Мы не стали дожидаться эльфийки. Я оставил для нее на письменном столе клочок бумаги, на котором написал следующее: «Заплати за аренду, скоро вернусь, Гэбрил». Перед

словом Гэбрил расплылась большая клякса. Она маскировала неосторожно написанное желание «целую». Впрочем, Лиринна девочка уже большая и вполне способна догадаться, чем я хотел заняться по возвращению.

Гном приехал на собственной карете. Богачи могут себе это позволить. На козлах сидел кучер, я не удивился тому, что он был человеком. Когда у тебя хорошая зарплата, какая разница кто наниматель: гном, человек или эльф?

Дирк хотел сунуться в кабину, но мастер Таг отправил его на запятки. Я думал, что гном собирается со мной поговорить без лишней пары ушей, но он всю дорогу молчал, словно набрал в рот воды и не хотел расплескать. Так и ехали: гном смотрел в свое окно, а я – в противоположное.

Жил мой наниматель в Туземном Квартале. Иного я и не ожидал. После неоднократных волнений и массовых беспорядков всех Других селили только на этом острове, отделенном от материка разводным мостом. Даже не верится, что год назад я был среди защитников моста, не пускавших озверевших молодчиков в Туземный Квартал. Вот был ли на мосту мастер Таг, что-то не припоминалось. Когда я спросил его об этом в упор, гном пробурчал неразборчиво:

– Меня в тот день не было в столице.

На этом разговор закончился.

Карета прикатила к особняку гнома. Он выглядел так, словно был высечен из скалы, как выяснилось позднее – я не ошибался. Вся прислуга у мастера Тага тоже оказалась набранной из людей. Я слышал, что гномы терпеть не могут служить, а теперь в этом убедился собственными глазами. Бородатые карлики предпочитают вкалывать до седьмого пота в мастерских и каменоломнях или биться стенка на стенку с врагами. Они принципиально не признают над собой хозяев, однако предпочитают оставаться лояльными к их монаршему величеству, нашему королю. Думаю, потому что считают это наименьшим из зол.

Внутри особняка было светло – работающие гномы пробуравили скалу, как черви яблоко, и проделали массу оконных отверстий и высоких (в первую очередь для гномов) коридоров, поэтому я успел пересчитать головой почти все притолоки.

– Где вы хранили вашу статуэтку? – спросил я Тага, пока он вел меня по одному из на редкость запутанных проходов.

Архитектор, строивший этот дом, должно быть, провел остаток дней в психушке.

– В самом надежном месте, – вздохнул гном. – Во всяком случае, до вчерашнего дня я именно так и думал.

– И что это за место?

– Я называю его сейфом, хотя на самом деле это выдолбленная в скальной породе комната, похожая на каменный мешок, с одним единственным выходом, на который наложено охранное заклятие.

– Очень смахивает на королевское хранилище, – усмехнулся я.

– Да, такое же надежное, – доверительно сообщил гном.

Действительно, такое же «надежное». Никто до сих пор не знает, что в прошлом году королевская казна была ограблена и из нее вынесли очень ценный артефакт. Тогда я вляпался в эту историю с похищением Ключа от Портала по полной. Вот и в этом случае пропала какая-то глиняная свистулька, а голова Гэбрила Сухаря уже торчит здесь по самые уши.

– Охрана у входа есть?

– Да, – лаконично ответил гном.

Мне что – уронить его на холодный пол и пинать до тех пор, пока он не научится разговаривать?

– «Да» – ответ недостаточный. Нужны подробности.

– Вход охраняют двое. Охранники меняются через каждые три часа. Ни один из них не может проникнуть внутрь: сожжет на месте.

Знакомая схема. Вместо того чтобы обездвигнуть воришку, дабы потом допросить как следует (вдруг удастся выйти на наводчика и раскрутить всю шайку), заклинание просто его испепелит и перед вами останется лежать обыкновенная кучка пепла, расспрашивать которую – самое бесполезное занятие на свете. С другой стороны, такое защитное устройство играет огромную воспитательную роль: отпугивает потенциальных воров и грабителей.

– Я смогу попасть в ваш сейф?

– Сможете. Сейчас я произнесу кодовое слово и деактивирую ловушку, – пояснил гном.

– Скажите, а кто-то другой мог узнать кодовое слово и им воспользоваться? – спросил я.

– Его и так здесь каждая собака знает, – ухмыльнулся гном. – Но это ничего не дает.

Заклинание срабатывает только на мой голос. Любой, кто попытается его подделать, обречен.

А я как раз собирался спросить его о пародистах!

Дверь, ведущая в комнату, откуда испарился Ган-Ли, смахивала на огромный канализационный люк, поставленный вертикально. Однако в отличие от городской канализации, за ней водились совсем иные сокровища. И пахли эти сокровища совсем по-иному. Именно так пахнут все деньги мира, собранные в одном месте.

Я никогда в жизни не видел так много золота, серебра, драгоценных камней и прочих дорогих вещей, содержащихся в столь восхитительном беспорядке. Должно быть, у гнома имелась какая-то система хранения всего этого добра, но человеку со стороны эти залежи напоминали обычную мусорную кучу, в которой вперемешку лежали картофельные очистки и обрывки старых обоев.

Здесь было темно. Единственным источником света служила небольшая, нещадно чадившая масляная лампа, висевшая на крюке, вделанном в потолок.

Гном хорошо ориентировался и моментально подвел меня к пустовавшей нише, расположенной на высоте в полметра от уровня пола.

– Статуэтка стояла здесь, – с горечью сообщил гном, вытирая украдкой слезы.

– Не очень уютное местечко, – я обвел глазами своды каменного мешка и поежился. Невесть откуда взявшийся сквозняк промораживал до самых костей. – Может, вашей статуэтке здесь надоело, и она отправилась искать более теплое местечко? Скажем, на юг...

– Я плачу вам не за сомнительные шуточки, – процедил сквозь зубы мастер Таг.

– Они не более чем бесплатное приложение к моим услугам.

– Все равно, я нанимал частного сыщика, а не циркового шута, – упрямо протвердил гном.

– Вам придется принимать меня таким, каким я есть, – парировал я, разглядывая осиротевшую нишу.

Интересно, каким образом сюда мог проникнуть воришка? Может быть, не обошлось без магии? Какой-нибудь волшебник вроде Алура телепортировался сюда, взял, что ему надо, и смылся обратно? Да нет, вряд ли. Здесь очень ограниченное пространство, а при телепортации маг не может рассчитать точку своего перемещения с точностью до одного метра (это я слышал от Алура), значит, он рискует угодить прямоиком в гранитную породу скалы и остаться в ней навеки.

– Почему вы не заперли столь драгоценную для вас вещь под замок?

– Какой еще замок? Единственный вход защищен заклятием, снаружи стоит охрана. Если кто-то вздумает продолбиться сквозь скальную породу – я буду первым, кто это услышит. Сюда и мышь не проскочит, – разъярился гном.

– Стоп, что вы сказали? – я подскочил как ужаленный. Его фраза навела меня на одну идею.

– Сюда и мышь не проскочит, – повторил удивленный гном.

Знал бы он, как сейчас ошибался.

– Воздух здесь не затхлый. Время от времени откуда-то дует сквозняк, – я закинул первую удочку.

– Разумеется, мы сделали здесь вентиляцию, – не без гордости произнес гном. – Иначе тут было бы сыро и многие вещи попортились.

– Я могу взглянуть на вентиляционное отверстие? – попросил я, чувствуя, что хватаю удачу за хвост.

– Без проблем, – гном вновь потерял себя за бороду.

Он показал отверстие, расположенное на противоположной от пустовавшей ниши стороне. Из него действительно поступал свежий морской воздух, пахнувший солью.

Я присел на корточки и стал разглядывать черный провал с непритворным интересом. Неужели, я знаю разгадку? Сейчас проверим.

– Дайте, пожалуйста, фонарик, – попросил я гнома.

Он снова что-то пробурчал, но все же согласился. В конце концов, я ведь действую именно в его интересах, не так ли?

Оказывается, масляный фонарь, освещавший комнату, может опускаться на специальной веревочке почти до самого пола. Скучного освещения вполне хватало для того, чтобы мне удалось проверить свою теорию.

Я направил свет от фонаря на вентиляционное отверстие и обнаружил то, что рассчитывал найти: две короткие шерстинки белого цвета, зацепившиеся за зазубренные края плохо обработанного отверстия, и маленькие точки-отпечатки на пыльной поверхности вентиляционной шахты, оставленные коготками небольшого существа. Теперь я точно знал, кто тут побывал.

– Здесь больше нечего делать, – сообщил я. – Давайте поднимемся наверх.

Глава 2

Я не стал говорить мастеру Тагу о своих догадках. Ему это не понравилось. Как же, деньги и большие заплачены, а тебя держат в неведении! Слово за слово, и в результате страсти так накалились, что я едва не остался без клиента, однако гном все же сумел взять себя в руки.

– Хорошо, Гэбрил, – проворчал он. – Теперь я знаю, почему у вас такое прозвище – Сухарь. Вы, на самом деле, очень черствый человек.

– Я тот человек, что пытается спасти вашу шкуру. Мне больше подойдет прозвище Последняя Надежда.

– Или Облегчитель Карманов, – хмыкнул гном, намекая на взятую плату.

Я пожал плечами и оставил особняк, выдолбленный в скале, чтобы повстречаться с Трещоткой. Если кто-то и мог посоперничать с Гвенни по степени информированности – то только этот парень. Кроме того, после общения со сварливым гномом я отчаянно нуждался в человеческом обществе.

Трещотка знал все: начиная с расписания дилижансов и заканчивая тем, что сегодня подадут на обед нашему дражайшему монарху. При этом в отличие от Гвенни, обладал весьма ценным свойством – продавал информацию, но никогда не спрашивал, как ей воспользуются.

Найти его можно было только в одном месте – на базарной площади, где у него имелась сапожная будка. Да-да, Трещотка был сапожником, однако настоящие деньги ему приносило другое занятие. Для меня у него открыт практически неограниченный кредит – дело в том, что мы росли в одном приюте, и я частенько спасал его от кулаков более старших и жестоких воспитанников. Потом он вырос в высокого нескладного малого с головой, похожей на облетевший одуванчик, служившей вместилищем самых обширных сведений обо всем и вся.

Народу на базаре всегда полно. Сегодняшний день не стал исключением. Пришлось пристроиться в хвост длиннющей очереди, передвигавшейся со скоростью контуженной улитки, иначе попасть на территорию торговых рядов не представлялось возможным. Сзади напирали, пихались локтями и наступали на пятки, я поневоле делал то же самое. До будки Трещотки я добрался помятым, как постель новобрачных.

Краска на будке высохла и облупилась. Я испытал жгучее желание поковырять ногтем выступившие бугорки, но потом решил, что мастер Таг не одобрил бы траты высокооплачиваемого (из его кармана) времени на подобные пустяки.

Будка у Трещотки работала по принципу «входите, люди добрые». Я указательным пальцем отодвинул фанерный лист, заменявший дверь, и зашел внутрь.

Трещотка сидел на табуретке, положенной на бок и ковырял шилом в подошве огромного башмака. На мой взгляд, обувь таких размеров должна принадлежать ограм, никак не меньше.

– Привет Сухарь! Значит ты уже все, отстрелялся или, может, того... – в зубах сапожник держал иголку с ниткой, поэтому о смысле сказанной фразы можно было только догадываться, но я все понял как надо.

– Привет Трещотка. Интересно, почему все думают, что я дезертир? У меня настолько испуганный вид: бледное лицо, бегающие глазки и все такое?

Трещотка выплюнул иголку и предложил мне другой табурет.

– Извини, я привык к тому, что ко мне редко приходят люди, не имеющие неприятностей с законом.

– Неприятностей у меня полно, но закон тут не при чем.

– Я слышал насчет неприятностей, – кивнул Трещотка. – Твоя остроухая на крючок к ребятам Толстого Али подседа, скоро ее подсекут.

– У тебя устаревшие новости, – заметил я, пытаясь устроиться на треклятом табурете как можно удобнее. – В субботу мы с крючка снимемся, и, кстати, Лиринна – не остроухая, она эльфийка.

– Эльфийка так эльфийка. Я ведь не со зла. Интересно, у них, эльфов, для нас тоже какое-нибудь прозвище придумано?

– Вряд ли. Мы недостойны. Для некоторых из этой братии мы слишком мелки, чтобы они соизволили придумать нам прозвище.

– Я тоже так думаю, – глубокомысленно произнес Трещотка. Иногда его тянуло на философию. На губах у него появилась самодовольная улыбка:

– Тебя когда уволили?

– Сегодня. Ты еще не в курсе?

– Как видишь – нет. А ты, я вижу, не успел увольнение обмыть и уже носишься по городу с высунутым языком.

– Выпивка никуда не денется.

– Если только другие раньше не доберутся, – вскинул и опустил взгляд он.

Мы посмеялись. Трещотка мог быть компанейским парнем, когда хотел.

– Так зачем ты пожаловал? – отсмеявшись, спросил он.

– Мне нужна информация.

– Я понимаю, что не починка обуви.

– Я ищу Болванчика.

– Это того, с крысой?

– А что, есть еще один? – удивился я.

За год службы в армии можно пропустить многое, но Трещотка развеял мои опасения:

– Да нет, конечно. Просто к слову пришлось. Он у нас уникальный тип.

– Да, болванов полно – Болванчик один. Трещотка стал покусывать большой палец левой руки – характерный признак того, что сапожник задумался. О его вредной привычке знали многие. На базаре ходила шутка, что свою информацию Трещотка высасывает из пальца, однако в этой шутке была только доля шутки. Непроверенных сведений сапожник не давал.

– Болванчик говорил, что отходит от дел. Его крыса заработала достаточно, чтобы обеспечить старику приличный пансион до самой смерти.

– Я сам не раз давал себе такие обещания, однако у меня ничего не вышло. Болванчик, скорее всего, врал или получил предложение, от которого не смог отказаться.

– Тогда ищи его на набережной. У Болванчика там свой дом.

– На новой набережной или старой? – спросил я.

– Ты что, с Луны свалился? – засмеялся Трещотка. – Конечно, на старой. На новой набережной теперь живут только жирные коты, нашему брату там делать нечего. Всю шушеру оттуда выгребли месяца три назад – спасибо мэру! Впрочем, ты же был в армии и ничего об этом не знаешь.

– Не скаль зубы! – буркнул я. – Значит, на старой набережной... А улицу, номер дома не подскажешь?

– Что ты! Какая улица, какой номер дома?! Гэбрил, что с тобой сделала армия?

Я даже обиделся.

– Трещотка, я был там в последний раз еще в детстве. Если быть честным, ничего не помню, никаких деталей.

– Улица, номер! Эх, темнота! Там, на набережной, отродясь не было ни того, ни другого, – зашелся в очередном приступе смеха Трещотка. – Там просто дома без всяких улиц и номеров. Ты топай туда смело, мимо дома Болванчика все равно не пройдешь. Он намалевал во всю стену крысиную рожу. Ее, наверное, с того берега моря видно.

– Спасибо, друг, – поблагодарил я сапожника. – Сколько с меня?

– А, – махнул рукой тот. – Тебе по старой памяти бесплатно. Вот только обувь мне на починку не приноси – не советую!

– Договорились. Надеюсь этот совет тоже бесплатный?

Шутка Трещотке понравилась, он чуть было не захлебнулся от смеха. Расстались, как и полагается двум хорошим знакомым: с легким чувством на сердце и желанием встречаться как можно реже. У него была своя жизнь, у меня своя. Мы редко пересекались: один-два раза в году.

На старой набережной я бывал еще реже. Можно прожить тридцать с хвостиком лет в одном городе и никогда не побывать на всех его улочках и закоулках.

Набережных в городе действительно было две. К каждой примыкал небольшой жилой райончик. Старую набережную неоднократно размывало во время чересчур сильных приливов, и утлые домишки рыбаков, ремесленников и мелких торговцев уносило прямо в открытое море. Новую набережную строили основательней, с учетом уроков прошлых лет. Ее заковали в гранит, как рыцаря в панцирь, и обсадили деревьями. Считалось, что корневая система растений упрочнит береговую полосу. В результате получился довольно милый уголок, который быстро облюбовали богачи, а уж они-то постарались напечь мэру, чтобы он помог избавить квартал от бедноты.

Я давно не катался в кэбе, поэтому решил себя побаловать. Сразу за базаром располагалась стоянка, очевидно, на тот случай, если кто-то накупит столько, что не рискнет унести на своем горбу. На стоянке скучал одинокий кэб, и я прибавил ходу, пока его никто не увел. Увы, удача повернулась ко мне не лицом, а совсем даже противоположной частью. Пока я только набирал ход, этот кэб перехватил дородный усатый дядечка, заскочивший в него с ловкостью циркового акробата, вытворяя такие кульбиты, каким меня даже в армии не учили. Толстячок плюхнулся на сиденье, назвал кэбмену адрес, достал из кармана пиджачка газету и промчался мимо, бросая по сторонам торжествующие взгляды. Один из них, несомненно, предназначался мне.

Я не стал махать усачу рукой на прощанье, вместо этого присел на скамеечку, откинулся на спинку и стал ждать. Кэбы, что тараканы: там, где завелся один, непременно объявится и второй.

Сидеть и просто скучать я не умею, поэтому в голову сразу полезли мысли, в основном, о Лиринне.

Время – лучшая проверка для чувств. За год, отданный его королевскому величеству, я понял, что могу назвать свои чувства к Лиринне любовью. Нет, мне прекрасно известно, что о любви не принято говорить громко, потому что тогда это слово теряет блеск и становится похожим на фальшивую монету. Но наедине с самим собой я мог признаться, что скорее расстанусь с любой частью тела, чем с Лиринной. Эльфийка стала мне дороже всех на этом, а может быть, и на другом свете. Однако есть ли у нас двоих будущее?

Я – человек, она – эльфийка. Межрасовые браки между людьми и эльфами не поощряются, но ведь и не запрещаются, значит, какой-то шанс узаконить наши отношения все же имеется. Хотя я не уверен, что эльфийка захочет выйти за меня замуж. Да что уж там говорить: я вообще ни в чем не уверен! Любит ли она меня? Согласна ли променять молодость на сомнительное счастье просыпаться в одной постели с вечно угрюмым частным сыщиком, которого воротит даже от собственного отражения в зеркале?

А дом? Где мы будем жить? Я уже год не ступал на порог того дома, в котором когда-то прожил несколько не особенно счастливых лет с бывшей женой. Выглядит глупо, но я не мог пробыть в нем после развода больше пяти минут. Можно, конечно, его продать, но он пришел в такое запустение, что больших денег не выручить. В лучшем случае полученной суммы хватит на съемную комнатку в самом захолустье столицы.

Деньги, деньги. Вечная больная тема. Жене никогда не нравились мои заработки, хотя я получал вполне прилично. Герцог Монтойский, у которого мне довелось служить телохранителем, был скупым в меру и знал, когда эта мера идет во вред. Время от времени он подбрасывал премиальные, а после того, как я заслони́л его от арбалетной стрелы, увеличил мне жалованье в два раза. Но денег нам почему-то вечно не хватало. Увы, они самым загадочным образом испарялись уже через неделю. Я ходил с пустыми карманами, а жена в новых нарядах. Так продолжалось много лет.

Жена считала, что была рождена выйти замуж за миллионера и лишь по досадному недоразумению выскочила за неудачника. Она не любила заниматься домашним хозяйством, а на кухню заходила лишь по большим праздникам, потому что блюла фигуру. Мои друзья ей не нравились, она относилась к той же породе, что и меня, и советовала мне сменить круг общения. Любой мой поступок вызывал у нее раздражение. Когда надоедало в очередной раз доказывать, что я не верблюд – мы ругались так, что начинали лаять соседские собаки. Ночью они выли на Луну, и я порой хотел к ним присоединиться. Ирония судьбы заключалась в том, что три с половиной года назад супруга сбежала от меня, но не к миллионеру, а к обычному бродячему комедианту, колесившему по дорогам королевства на повозке с дырявой крышей.

Лиринна не походила на мою бывшую. Она другая и не только внешне. В ней есть внутренний свет и искренность, доброта и ласка, хотя при желании Лиринна способна стереть меня в порошок – папа Лигрель научил ее многим штукам. Иногда она кажется наивной, иногда я поражаюсь, насколько глубоки ее мысли. Она и неопытна, как любая девятнадцатилетняя девушка, и в то же время полна особой женской мудрости, позволяющей женщинам смотреть на нас, мужчин, свысока.

И самое главное: я старше ее на четырнадцать лет, это большая разница в возрасте. Когда мне стукнет шестьдесят лет и я обзаведусь вставной челюстью, она будет все еще молода, прекрасна и полна сил. Буду ли я ей тогда нужен?

Плывать! Мне тридцать три года, я мужчина в самом соку и готов свернуть челюсть любому, кто встанет на нашем пути. Мы будем счастливы – год, два, три, десяток или вечность. Я не собираюсь загадывать на будущее, но сдаваться не буду.

Я так погрузился в размышления, что даже не заметил кэба, остановившегося напротив моей скамейки.

– Мистер, вы собираетесь прокатиться или сидите здесь просто так? – вкрадчивый голос возницы вывел меня из заторможенного состояния.

– Да нет, – усмехнулся я. – Вас дожидаюсь, чуть было не заснул.

Кэбмен виновато вздохнул:

– Что делать? От клиентов сегодня просто отбоя нет.

– У меня тоже, – сказал я, забираясь в кэб. Рессора под ногой жалобно скрипнула.

– Надеюсь, твоя коляска не рассыплется по дороге?

– Что вы, мистер! На ней можно возить хоть бегемотов. Прокачу с ветерком.

– Хорошо, только помни, что я не бегемот, и вези аккуратно.

– Все будет в порядке. Держитесь крепче. Совет держаться покрепче был дан неспроста – до старой набережной мы не ехали, мы пусть низко, но все же летели. Раза два-три я приложился к потолку многострадальной макушкой, которой и так пришлось несладко в низких сводах особняка мастера Тага. Мое счастье, что я не страдал морской болезнью, иначе кэбмену пришлось бы после меня на часок позабыть о клиентах и вооружиться ведром и тряпкой.

Жители квартала, через который я проезжал в кэбе, пытались создать хотя бы иллюзию благополучия, поэтому фасады домов, выходящих на центральный проспект, еще могли похвастаться свежей побелкой, быстро выгоравшей на солнце. Сами дома ходили один на другой как близнецы-братья: фантазия тех, кто их строил, не отличалась богатством. Они смахивали на большие пирамидки в два-три этажа, составленные из кубиков, причем, чем выше был этаж,

тем все меньшей становилась грань кубического яруса, который его образовывал. Площадки, созданные плоской крышей, являлись основанием для следующего этажа и служили двориком для тех, кто жил на этом ярусе. Некоторые из двориков были превращены в курятники, отсюда раздавалось залиvistое «кукареку» петухов и радостное квохтанье наседок.

Для удобства между длинными и узкими деревянными балкончиками, увитыми виноградной лозой, были перекинуты приставные лестницы. Пустые окна зияли чернотой провалов. Кое-где можно было увидеть лепные карнизы и прочие украшения. Но, как часто бывает в жизни, стоило только нырнуть в арки между домами, и глазам открывалась совсем другая картина, не похожая на показной лоск выбеленных фасадов.

Кэбмен наотрез отказался везти дальше. Он притормозил кэб и с виноватой миной произнес:

– Простите, мистер, я бы рискнул туда въехать только на плечах королевской гвардии. Здесь очень опасное место.

Я не стал заставлять его рисковать жизнью и покинул нагретое место в кэбе без лишней ругани и споров.

Основной город располагался на возвышении, а район, который в народе окрестили старой набережной, находился в низине. Пришлось спускаться по пыльной разбитой дороге. Палящее солнце напекало голову и наводило на мрачные мысли о здоровье. Я завидовал идущим навстречу рыбакам в широкополых рыбацких шляпах. Этим парням не грозил солнечный удар и его последствия.

Дом Болванчика я увидел где-то на полпути. Его действительно было невозможно спутать с остальными настолько же ветхими и старыми сооружениями, которые, впрочем, в этих краях считались, чуть ли не верхом роскоши.

В столице много опасных районов. Старая набережная входит в их число. Нет, не Трущобы, конечно, но на пришлох здесь привыкли смотреть искоса. Хорошо хоть до сумерек было еще далеко, иначе желающих проверить содержимое моего бумажника было бы больше, чем звезд на небе.

Не успел я ступить и двух шагов по мосткам, перекинутым через многочисленные, еще не успевшие высохнуть после последнего шторма лужи, как за мной уже замаячили две фигуры. Еще двое вышли наперерез, вынырнув из тени большого навеса, под которым рыбаки обычно складывали свой улов, перед тем как рассортировать. Кажется, я угодил в самую обычную мышеловку, однако окружившие меня типы не догадывались, что в их ловушку попала дичь гораздо серьезней, чем им представлялось.

Бандиты нагло ухмылялись. Они видели, что я безоружен и рассчитывали на легкую добычу. В таких случаях надо брать инициативу на себя. Я прекрасно понимал, чем закончится наша встреча, поэтому, не тратя время на лишние разговоры с известным результатом, налетел как коршун на парочку, перерезавшую дальнейший путь вперед.

Эти ребята никогда не служили в армии. Они были хороши в уличной потасовке, где им противостояли точно такие же неотесанные дурни, умевшие махать кулаками в воздухе или лупить дрекольем беззащитных противников. Но никто из них не продержался бы больше трех секунд в спарринге с самым дохлым из громил беглого Мясника, а, значит, я мог рассчитывать на победу.

У меня было немного времени. Четверо, пусть даже не обученных врагов, все равно представляли собой серьезную угрозу, поэтому я бил наверняка, так, чтобы вывести противника из строя с одного удара. Эта пара не захватила с собой ножей или кинжалов и прогадала: я не опасался нарваться на лезвие и мог позволить легкую небрежность движений, за которую любой из моих прежних сержантов-инструкторов устроил бы хорошую выволочку. Но инструктора остались там, в прошлом, и я мог не опасаться, что меня заставят сделать лишнюю сотню-другую отжиманий и приседаний. Жаль, мне так и не удалось взять у Лиринны дополнитель-

ных уроков клеста, однако того, что я умел благодаря армии, оказалось достаточным, чтобы вырубить сразу обоих.

Если враг превосходит в количестве, спасение – в скорости движений. Парни физически не успевали реагировать на мои удары, а я не ведал пощады и не стеснялся грязных приемов. Удар ногой в пах, противник сгибается вдвое, и тогда я сильнейшим ударом колена отправляю его в нокаут. Сперва одного, потом другого. Быстро и эффективно.

Покончив, я резко обернулся и с самым угрожающим видом стал наступать на молодчиков, дотеле напивавших сзади. Они сразу потеряли ко мне интерес, даже забыли о том, что держали в руках большие разделочные ножи, словно я был куском говядины, а не живым, мыслящим человеком.

– Пойдите, господин, – взмолился один из них. – Мы не собирались причинить вам вреда.

– Я не верю в сказки с самого детства, однако у меня сегодня хорошее настроение и не хотелось бы его портить. Проваливайте, пока я не передумал.

Парней не пришлось уговаривать дважды. Они исчезли быстрее, чем я досчитал до трех. Путь до дома Болванчика оказался свободным. Больше никого содержимое моего бумажника не интересовало.

Я не успел рассказать о Болванчике, хотя он достоин отдельного упоминания и вот почему: люди и крысы часто живут вместе, но очень плохо уживаются. Мы искренне ненавидим друг друга. Я посмотрелся и в мирной жизни и на войне много отвратительных вещей, однако до сих пор не могу глядеть на крыс без внутреннего содрогания. Нет, это не значит, что при виде серого длиннохвостого грызуна я запрыгну на ближайшую возвышенность и примусь истошно орать как зарезанный, но спокойно смотреть на этих флегматичных тварей с умными глазками-бусинками выше моих сил. Возможно, тому виной одно из старых воспоминаний, когда во время боя пришлось оставить раненного солдата в подвале дома, переполненного кишачными тварями. Когда мы вернулись, крысы успел выгрызть обессиленному солдату правый глаз, а он не мог ничего с ними поделать. Так и лежал с окровавленным лицом и плакал, а потом умер у меня на руках.

Крысы очень умные твари. Умные и плодовитые. Одна крыса приносит помет из семипятнадцати детенышей и способна рожать до восьми раз в году, а первые роды у самок вообще могут произойти в четырехмесячном возрасте. Наше счастье, что у крыс существуют неведомые нам механизмы регуляции численности, иначе эти серые создания заполнили бы весь мир.

Мы, люди, ненавидим крыс, они платят нам той же монетой. Крысы не раз приносили страшные болезни, от которых умирали тысячи несчастных людей. Эти твари часто опустошали хлебные амбары и закрома, обрекая на голодную смерть население городов. Наша история – история войны с орками, с эльфами, с такими же, как мы, людьми и с крысами.

Но Болванчик относился к крысам совершенно иначе. Вот уже лет пятнадцать его кормили и поили крысы, вернее, всего одна крыса-альбинос. Удивлены такой продолжительности жизни этого грызуна? Действительно, в среднем крыса живет до трех лет, но альбиносы исключение. Некоторые способны протянуть до четверти века, так что Болванчик мог рассчитывать еще лет на десять беспечной жизни за счет белого короткошерстого напарника.

Эльфы умеют ладить практически с любым животным, но против крыс их ухищрения бесплодны. Не помогают ни заговоры, ни особые слова. Крысы их просто не слушают. Возможно, эти животные такие же гордые и независимые, как эльфы.

Болванчик принадлежал к человеческому роду-племени, не наделенному особыми способностями, но все же сумел найти общий язык с крысенышем, которого нашел в полуобморочном от голода состоянии, спас, а затем выходил. Крыса оказалась на редкость смышленной, гораздо умнее и без того не отличающихся особой глупостью серых собратьев.

Каким-то образом Болванчик научился с ней разговаривать и даже сделал своей помощницей. Его ученица могла пролезть в любую дыру и утащить для любимого хозяина все, что он прикажет. Слушалась его беспрекословно. Услугами дрессированного зверька пользовались многие воры. Они платили деньги Болванчику, а тот науськивал своего партнера и ждал результатов.

Уверен, что в случае с похищением Ган-Ли из сокровищницы гнома не обошлось без Болванчика и его хитрого крысеныша-альбиноса. И у меня были доказательства. Кто, как не крыса, мог пролезть в вентиляционную шахту незамеченным и выкрасть статуэтку? Об этом явственно говорили оставленные белые шерстинки и следки крысиных коготков.

О талантах Болванчика и его напарника в крысиной шкурке знали немногие. Воры умеют беречь свои секреты. Если бы не мое шальное детство, проведенное среди домушников, вряд ли я сумел бы сделать то предположение, о котором сейчас говорю. Но мне в какой-то степени повезло. Я видел Болванчика и крысу в работе и знал, на что они способны.

Это случилось давно, в не самые лучшие дни моей жизни. Я сбежал из сиротского приюта, потому что не смог больше терпеть издевательств от воспитателей, половине из которых самое место было на каторге, и оказался на улице. Шла зима, голодная и холодная. Выбор у меня был простой – сдохнуть, как бездомная собака, или примкнуть к ворам. Я выбрал второе. Гильдия воров присматривала за беспризорниками лучше, чем королевская власть и благотворительные фонды вместе взятые. Во всяком случае, я не голодал. Моим учителем стал Косой, он и сейчас большой авторитет у воровской братии. С его помощью я стал домушником и научился обчищать чужие жилища, вынося деньги, драгоценности и ценные предметы. До сих пор помню свое удивление, когда наставник сообщил мне, что есть картины, которые стоят бешеных бабок. Я долго не верил его словам.

Однажды нам с Косым надо было проникнуть в богатый дом аристократа. Мы проведали, что этот тип не имел дела с магией. Это нам подходило. Нет ничего хуже магических ловушек, доставшихся дворянам и богатым купцам в наследство от древних магов.

Деньги обещали немалые и мы не смогли устоять, однако быстро столкнулись с трудностями. Понятно, почему хозяева дома не стали тратить на услуги волшебников: замок на двери оказался слишком сложной конструкции, его не брала ни одна отмычка. Руки у нас опустились.

Однако наниматель непременно настаивал на том, чтобы мы обчистили именно этот особняк. Тогда Косой привел Болванчика. Парень сразу показался мне не от мира сего. Он разговаривал со своим крысюком, как с человеком, гладил по короткой дрожащей шерстке и что-то нашептывал на ушко. Потом мы запустили крысу в открытое окно.

Она проникла в особняк, разыскала связку ключей и притащила к нам, дальнейшее было делом техники. Наниматель получил то, что искал, а мы свои денежки, правда, пришлось поделить сумму на три части. Болванчик за оказанные услуги брал немало.

Если бы крыса в хранилище гнома была аккуратней, никто бы даже не догадался о госте, пробравшейся в тщательно охраняемое помещение и утащившей талисман гномов.

Я понимал, что, скорее всего, Болванчика в очередной раз наняли, но он мог вывести на заказчика. Если бы захотел, конечно. Я терпеть не могу пыток, хотя знаю, что в умелых руках они могут оказаться весьма действенными. Ни контрразведка, ни полиция ими не брезговали, а вот я не мог.

Однако если Болванчик заартачится, на него всегда можно навести гномов, а уж они найдут способ разговорить даже каменную статую, не то что упертого крысиного дрессировщика. Но мне бы хотелось добиться от него признания совсем иными методами.

Если у Болванчика есть голова на плечах, он должен понимать, что ссориться с гномами ему не с руки. Вспыльчивых ребят на коротких ножках не удержит никто, особенно в тех случаях, когда речь заходит о семейных реликвиях. Гномы очень щепетильны, щепетильней даже,

чем заостеневшие в привычках и традициях эльфы. Что тогда будет с Болванчиком и его ручной крысой, лучше не спрашивать.

На улице было пусто. Нестерпимая жара загнала всех по домам. Должно быть тем парням, которых я отправил в нокаут, не сладко сейчас под палящим солнцем. Вряд ли о них кто-то позаботится, разве что карманы вывернут.

Я вытер пот с лица и постучал в дверь. В ответ тишина. Попробовал еще раз.

– Эй, хозяин, есть кто дома?

Молчание.

Может быть, Болванчик выгуливает крысу на улице? Я слышал, что она порой бежит на поводке как собачка. Но почему дверь не заперта? Этот квартал не славится честностью обитателей, здесь вор на воре сидит и воров погоняет. Местные любители того, что плохо лежит, конечно, могут вынести дверь даже с рамой, но облегчать им старания и оставлять дом открытым – верх глупости. Болванчик еще не успел впасть в старческий маразм, значит, здесь что-то не так.

Я оглянулся по сторонам и убедился, что до меня никому нет дела, затем шагнул за порог и почти сразу же остановился как вкопанный.

Ставни окна, выходящего на двор, были распахнуты, а по пустой комнате гулял ветер, гоняя накопившийся мусор из угла в угол. Хотя насчет пустой комнаты я погорячился. Ее хозяин лежал на топчане, сделанном из корабельной сосны, поверх которого стопочкой были сложены тюфяки, набитые соломой. Тюфяки пропитались кровью, вытекавшей из раны на горле Болванчика. Дрессировщику перерезали горло, почерк свидетельствовал, что бедняга пострадал от руки наемного убийцы. Они любят расправляться со своими жертвами таким кровавым и эффектным способом. Кто-то заметал следы и убрал Болванчика как отслужившего свое. Вот так оно в жизни и бывает – был человек и весь вышел.

Многообещающая ниточка прервалась. Горячий след привел к труп. Я вновь был отброшен в расследовании к тому месту, с которого начинал. Что делать дальше? Опрашивать мастера Тага о его врагах? А вдруг у него их миллион?

Я присел на краешек топчана и внимательно посмотрел на лицо Болванчика. Оно не выражало ничего – ни страха, ни испуга, сплошное спокойствие, ставшее теперь вечным. Очевидно, дрессировщика зарезал тот, кого он знал и кому доверял. Болванчик был стреляным воробьем и не позволил бы убить себя первому встречному.

Я накрыл тело одеялом, сшитым из лоскутков, встал и собрался к выходу. Больше здесь делать нечего. Внимание привлек негромкий писк и шебуршание. Кто-то хватал за штанину чем-то похожим на рыболовные крючки. Я посмотрел вниз и столкнулся с умным взглядом крысы-альбиноса. Инстинктивно захотелось отбросить ее от себя носком башмака, но я все же сумел с собой совладать.

– Что тебе нужно? – Мой голос дрожал, хотя я знал, что передо мной всего лишь грызун, с которым справлюсь в два счета. В памяти снова всплыл образ того солдата, которого загрызли серые твари. Я даже передернулся.

Крыса смотрела с таким умоляющим выражением на мордочке, как будто я мог ей чем-то помочь. Кажется, она что-то держала во рту между маленькими острыми зубками.

– Извини, – я развел руками, – твой хозяин мертв. Я опоздал, его убили. Перерезали горло и оставили истекать кровью.

Крыса снова пропищала, потом аккуратно положила к моим ногам предмет, бывший в зубах. Что бы это значило? Тварь гораздо умней, чем кажется.

– Хочешь, чтобы я взял? – спросил я.

Крыса утвердительно пискнула. Тогда я наклонился и поднял предмет. Им оказался маленький кусочек ткани с рваными краями. Крыса явно отхватила его зубами, но от чего? В голове мелькнула шальная мысль:

– Эта вещь принадлежала убийце?

В ответ снова раздался утверждающий писк. Кажется, умное существо дало понять, что я держу в руках улику. Но что мне может дать эта изжеванная полоска ткани? Разве она каким-то образом подскажет имя убийцы или поможет на него выйти?

Я повертел клочок со всех сторон. Самая обычная тряпка, вероятно, кусочек одежды.

– Ты дралась с тем, кто убил твоего хозяина, и вырвала этот клочок из его одежды.

Снова писк. Я брежу или действительно понимаю, что хочет сказать белая крыса?

– Молодец, ты храбро сражалась! – похвалил я ее. – Я частный сыщик. Хотел встретиться с твоим хозяином, но не успел. Теперь придется искать убийцу.

Крыса махнула длинным хвостом и скрылась в расщелине между досками, на секунду мне показалось, что в глазах ее стояли слезы.

Я остался наедине с собой и клочком ткани. Чем он может помочь?

Я поднес тряпку поближе к глазам, потом осторожно понюхал. В нос ударил приятный, почти неуловимый запах женских духов. Здесь была женщина?

Я аккуратно сложил пахнущую тряпицу в карман, затем тихонько, не оставляя лишних следов, вышел из дома Болванчика и поспешил исчезнуть из этого района как можно скорее, пока сюда не заявила полиция или не в меру любопытные соседи. А если кто меня и видел, надеюсь, ему не пришло в голову за мной увязаться. Так думал я в тот момент и еще не знал, насколько сильно ошибался.

Теперь мне была нужна Лиринна. Я знал, с какой стороны можно сделать еще один заход, и эльфийка могла в этом помочь. Кроме того, я соскучился по ее губам, влажным и нежным.

Глава 3

Я появился в здании, в котором снимал офис, уже под вечер. Было тепло, пришлось снять плащ и пиджак и идти в одной рубашке. На улицах фонарики зажигали факелами, приделанными к длинным жердям, масляные фонари. Люди спешили по домам, магазинам или барам.

Большинство контор давно уже закрылось и только в окнах нашей все еще горел тусклый огонек – Лиринна ждала моего возвращения, экономя на освещении. К сожалению, ждала не только она.

В центральном холле возле фикусов в кадках нетерпеливой походкой, заложив руки за спину, прохаживался лейтенант Морс. Проскочить мимо незамеченным не представлялось возможным, разве что стать невидимкой.

Я вздохнул. После года нашей разлуки меньше всего хотелось возобновлять и без того непростые отношения с давним злопыхателем. Будучи в армии, я рассчитывал, что Морса переведут на какой-нибудь другой участок, пускай даже с повышением, но, видать, напрасно. Интересно, какая муха укусила его на сей раз? Единственной причиной, побудившей Морса сунуться сюда, мог только я. Не скажу, чтобы мне это было по душе.

Меня увидели. Полное лицо лейтенанта искривилось в угрюмой гримасе. Он издал что-то вроде фыркания и обратился с убийственной иронией в голосе:

– Надо же, Сухарь, ты выжил! Очень жаль, я надеялся, что тебя разорвет ядром в первом же бою.

Я растянул губы в ответной улыбке:

– Что вы, лейтенант, я не мог позволить себе такой роскоши, иначе эпитафия, заготовленная для ваших похорон, пропала бы впустую.

Морс сплюнул на пол. Он мог себе позволить проделать такое на глазах администрации: ему не приходилось снимать себе офис в дорогом здании, владелец которого повышал плату за каждый лишний чих в сверкающих чистотой стенах.

– На тебя пришли бумаги, – сообщил Морс. – В них пишут, что ты у нас герой. Куча устных и письменных благодарностей от командования, представление к наградам и все такое...

– Благодарности не стоят бумаги, на которой написаны, а награды мне так и не удосужились вручить. Впереди стояла большая очередь из дворян, я в нее как-то не вписывался.

– Зато у меня ты сразу вписался в черный список. Я больше не намерен видеть твою гнусную рожу на моем участке. Сворачивай свою лавочку и уматывай отсюда вместе с остроухой.

– Интересно, почему это я должен отсюда убираться? Что ты со мной сделаешь, Морс?

– Спущу всех собак, натравлю кучу инспекций, лишу лицензии, – стал перечислять Морс. Список был таким обширным, что копу могло не хватить пальцев на руках и ногах. Наконец Морс закончил:

– ...и засажу тебя за решетку до конца твоих дней.

– Спасибо, – кисло произнес я. – Жаль, что не предупредил заранее, я бы записал в блокнот, чтобы потом перечитывать на досуге.

– Опять дурачишься? А зря! Я предупредил тебя, Сухарь, второго раза не будет, – сухо сказал Морс.

На этом он посчитал миссию выполненной, развернулся и ушел. Я посмотрел вслед.

Вот так! И это только в первый день жизни на гражданке! Я грустно покачал головой и поплелся вверх, к Лиринне.

Девчонка спала на раскладушке, свернувшись клубочком. Намаялась, бедная. Я, стараясь не шуметь, добрался со своего стула и осторожно присел. Стул предательски скрипнул. Эльфийка приоткрыла глаза, протерла их кулачком и улыбнулась.

– Шеф, тебя долго не было, вот я и ...

– Хватит оправдываться, – усмехнулся я, – Трудный год прошел, теперь мы вместе.

– Навсегда? – спросила Лиринна.

Я знал самый лучший ответ на этот вопрос. Наши губы нашли друг друга и не хотели отпускать. До самого утра...

Я отстранился. На самом деле прошло минут пять-семь, не больше.

– Извини, Лиринна, уже поздно, тебе пора домой. Через час разводной мост поднимут, и ты не попадешь в Туземный Квартал.

– Разве я не могу остаться с тобой? На всю ночь?

Я опустил глаза. Может ли она остаться со мной? На всю ночь! Это была моя заветная мечта, я бредил ею в те дни, когда у меня оставалась хотя бы чуточка времени для воспоминаний и грез. Да что уж там говорить, благодаря этой мечте, я вернулся живым из всех схваток и битв.

– Прости, Лиринна, я не могу тебя оставить здесь...

– Да, но в первый день знакомства, мы с тобой провели целую ночь под одной крышей. Ничего не случилось.

– Тогда я мог сдержаться в руках, а сейчас не смогу, я это знаю точно...

– А может не стоит держать себя в руках? – в глазах Лиринны плясали озорные смешинки.

Она расстегнула верхнюю пуговичку на своей блузке и одарила обжигающим взглядом. Что со мной делается? Я закипаю как паровой котел, еще немного и крышку сорвет напрочь.

– Дождемся свадьбы, – умоляюще попросил я. – Тогда тебе придется просить пощады.

– Еще посмотрим, кто запросит пощады, – улыбнулась эльфийка. – Неужели согласен терпеть еще год?

По эльфийским обычаям, если юноша и девушка хотят сочетаться законным браком, они должны сообщить об этом главе Деревя. Если у него нет возражений, молодой паре дается год для того, чтобы проверить свои отношения. Наши правила гораздо проще, но эльфы не признают браки, совершенные по человеческим законам. Традиции незыблемы.

– Если ты снова застегнешь пуговку, то год-не год, но до завтра я потерплю.

– Ты проводишь?

– Конечно, – я расцвел, как роза летом.

Знали бы вы, какое это счастье – гулять с любимой девушкой по ночным улицам города! Обратно в офис я вернулся ошалевшим, как мартовский кот. Удивительно, как меня не занесло на ближайшую крышу, с которой хорошо видно звездное небо с пролетающими кометами.

Лиринна пришла к девяти утра. Я уже успел к этому времени вскипятить чайник и предложил позавтракать вместе.

– Мы опять пойдем к Лу? – спросила сияющая эльфийка, подставляя щеку для поцелуя.

Я прикоснулся к щеке губами, потом осмелел и легонько укусил за кончик самого лучшего ушка на свете. Эльфийка довольно замурлыкала.

– К Лу мы заглянем как-нибудь на днях, – пообещал я. – Сейчас просто подкрепимся. Я зашел в кондитерскую, они как раз открылись. Угощайся.

Я положил на стол тарелку, до верха наполненную пирожными с шоколадным кремом – эльфийка обожала их больше всего на свете.

– Это все мне? Босс, ты что, я же растолстею и смогу проходить в дверь кабинета только боком, – засмеялась Лиринна, но зубки ее уже впились в бочок кремового пирожного. – Умм, какая вкуснятина!

– Ничего, шоколад полезен для умственной деятельности, – добродушно улыбнулся я. – А лишние калории мы сгоним быстро. Придется обойти целую кучу парфюмерных магазинов. Я ищу духи.

Эльфийка на секунду оторвалась от пирожного.

– Духи?! Серьезно? Босс, у тебя все в порядке с ориентацией?

– Что за вопрос? Разве у тебя вчера вечером были сомнения? – возмутился я.

Лиринна подмигнула:

– Ну, в тот момент, когда ты не захотел оставлять меня на ночь, каюсь, были, но потом, перед дверями моего дома, когда мы так горячо попрощались, они развеялись будто дым.

– То-то, – строго произнес я. – Поход по парфюмерным магазинам нужен для расследования. Мы ведь все еще работаем для мастера Тага, не так ли?

– Так это значит у мастера Тага не все в порядке с ориентацией? – надев на личико гримасу вредины, захихикала эльфийка.

– А нам, какое дело?

– Да никакого, собственно.

– То-то и оно! А теперь наостри ушки и слушай внимательно.

– Я вся во внимании, босс.

Я рассказал о вчерашнем посещении хранилища мастера Тага, о найденных шерстинках, об оправдавшихся подозрениях, убийстве Болванчика и о ручной крысе, подарившей в высшей степени странную улику. Показал Лиринне клочок материи, вырванный из одежды убийцы. Я держал его в закупоренной банке из стекла, легко умещавшейся в кармане.

Моя напарница не стала смеяться, когда я рассказал ей, как разговаривал с дрессированной крысой. Лиринна была эльфийкой, этим все сказано.

– И каким образом ты хочешь использовать эту улику? – спросила она, истребляя очередное пирожное.

– Есть одна бредовая идея. Надежда, конечно, слабая, но вдруг сработает? – я вздохнул. – Сколько времени эта тряпка может сохранять запах духов?

– Нашел кого спрашивать, – пожала плечами Лиринна. – Думаешь, я знаю?

– Хотя бы примерно, – взмолился я.

– Парфюмерия – настоящая наука. В ней масса тонкостей, о которых знают только специалисты. Эта ткань похожа на бархат, он хорошо «держит» аромат духов. Думаю, в ближайшее время точно не выветрится.

– Лишь бы хватило на сегодня-завтра. Мне почему-то кажется, что это дорогие духи, а, значит, круг покупателей узок. Надо выйти на магазины, в которых продают эти духи, расспросить персонал.

– А дальше? – нахмурилась Лиринна. – Допустим, установим имена покупателей, составим список. Что если он получится слишком обширным?

– Тогда мы покажем его мастеру Тагу. Если он найдет знакомые имена, начнем отрабатывать список с них. Я уверен, что гному хотел досадить кто-то из знакомых, не обязательно из числа явных врагов.

– Понятно, – протянула эльфийка. – А если не удастся найти магазин?

– Лучше не спрашивай, – попросил я, а потом на всякий случай уточнил:

– К тебе вчера не приходил Морс?

– Нет, а что?

– Да так, – отмахнулся я. – Просто спросил.

Не похоже на обычные повадки лейтенанта. Очевидно, Морс всерьез опасался нарваться на какой-нибудь из приемов Лиринны (уж он-то должен был о них знать) и побоялся вломиться незваным гостем. Мне это настолько понравилось, что я не преминул крепко поцеловать эльфийку. Сперва один раз, потом второй, третий...

Обход начали с ближайших парфюмерных лавок. Только на нашей улице таких было три. Безрезультатно. Продавцы разводили руками и сообщали, что не могут определить марку духов. Сложная композиция или что-то в этом роде. Я в духах практически не разбираюсь.

– Может быть, можете кого-то посоветовать? – спрашивал я каждый раз. – Какого-нибудь специалиста?

Нас отправляли в разные места. Десятки носов, похожих на собачьи, обнюхали ткань, но все, что удалось услышать, сводилось к одному:

– Извините, мы ничем не можем помочь.

В одном магазинчике даже предложили заплатить, если мы разыщем поставщиков этих духов и дадим наводку, обещали приличные комиссионные. Я вежливо отказался.

Наконец кто-то посоветовал найти крохотную лавчонку, занимающуюся продажей редкой парфюмерии.

– Если уж и там не помогут, значит, не помогут нигде.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Дайте, пожалуйста, адрес этой лавки.

– Вторая Торговая улица. Она располагается в одном комплексе с галантерейным универсамом и цветочным магазином. Надеюсь, что вам повезет.

Нам действительно повезло.

Лавочка оказалась крохотной. Вход вел прямо с улицы. Мы поднялись по нескольким гранитным ступенькам, сбоку которых для удобства были приделаны изящные металлические перила, отполированные руками посетителей почти до блеска. Толкнули дверь и вошли одновременно с переливами звонких колокольчиков.

Я едва не чихнул. На нос обрушилась целая гамма дотоле неведомых ароматов, смешиваясь, они создавали причудливое сочетание. Одновременно пахло полевыми цветами, корицей, мускусом, миндалем, еще чем-то, запах чего я не мог определить.

Товар разложили по двум стеллажам, занимавшим основное пространство магазинчика. Покупателям приходилось топтаться на двух квадратных метрах свободной площади. Глаза просто разбегались: баночки с кремами, туалетная вода, душистое мыло, помада, наборы косметики, благовония, ароматные свечи, непонятные колбочки с разноцветной жидкостью, – все это было представлено в неимоверном количестве и ассортименте.

Всем хозяйством заправляла миловидная девушка, скорее всего владелица. Когда мы вошли, она стояла на стремянке и пыталась поставить на верхний ряд склянку с мыльными шариками. Мелькнули симпатичные ножки, обтянутые тонкими чулочками телесного цвета, и край юбки с бахромой. Картина была волнующей. Я загляделся, и Лиринна чувствительно уцепилась за меня чуть повыше локтя.

Покупателей, кроме нас, пока не было. Девушка как заправская гимнастка ловко соскочила со стремянки и обратила к нам улыбочное лицо. Оказалось, что она доставала головой мне по плечо.

– Здравствуйте. Извините, пожалуйста, пришлось навести порядок на полках...

Мне понравилась ее прическа – я люблю длинные ухоженные волосы с выступающей вперед челкой. Носик у девушки был вздернут.

– Ничего страшного, – заверил я. – Мы с женой хотим подобрать духи. Нам посоветовали обратиться в ваш магазинчик.

На щеках девушки появился легкий румянец.

– Очень приятно слышать. Вам посоветовали правильное место. Я с удовольствием помогу подобрать духи. Какие ароматы предпочитает ваша жена?

– Я... – начала было эльфийка, но я тут же выступил вперед и протянул девушке кусочек ткани, вырванный из одежды убийцы.

– Простите за странный способ. Мы хотим приобрести духи, которыми была надушена эта ткань. Вы – наша последняя надежда.

– Спасибо, я польщена, – улыбулась девушка. – Меня зовут Дебби. Все, что вы здесь видите, – она обвела рукой стеллажи, – принадлежит мне. Располагайте моим временем, как заблагорассудится.

– Дебби, помогите, пожалуйста, определить марку духов, – я передал тряпку.

Девушка взяла ее и осторожно поднесла к носу, потом несколько раз помахала над ней открытой ладонью, нагоняя воздух.

– Не будете возражать, если я ненадолго выйду в подсобное помещение? – спросила Дебби. – Там меньше посторонних ароматов.

– Да, пожалуйста!

Пока ее не было, Лиринна с интересом рассматривала содержимое ближайших полок. Я скосил глаза и обнаружил, что самая крохотная склянка стояла не меньше сотни золотых рилли. Воевать целый год и заработать на крохотный пузырек с розовой пахучей водичкой!

Дебби отсутствовала ровно две минуты.

– Вынуждена разочаровать, – сходу сообщила она.

– Не смогли определить марку духов? – испугался я.

– Почему не смогла? – обиделась Дебби. – Мне эти духи хорошо знакомы, я ими торговала, но, увы, вашей жене не повезло. Последняя партия закончилась полгода назад. Духи изготавливал известный парфюмер Жак Рив и продавал только в моем магазине. У меня были эксклюзивные права на продажу. Стоили они баснословно дорого.

– Больше ста золотых рилли? – ужаснулся я.

– Сто золотых рилли! – усмехнулась Дебби. – Берите выше. Скляночка на пять миллилитров обошлась бы вам в триста золотых.

– Ого! – я был сражен наповал. – Триста рилли! Да на эти деньги можно содержать целую армию.

– Мужчины всегда думают о войне? – произнесла Дебби, обращаясь к Лиринне.

– Н-нет, – заикаясь, произнесла эльфийка, которая тоже была ошарашена стоимостью духов. – Еще они думают о женщинах, еде и выпивке, только не знаю в какой последовательности. А почему Жак Рив не изготовит еще партию? Мы бы купили...

– Увы, – Дебби горестно вздохнула. – Жака нет с нами уже несколько лет. Он умер. Второго такого парфюмера не найти во всем королевстве. Он был настоящим гением. После его смерти мой бизнес пошатнулся. Люди приходили сюда специально, чтобы купить его духи и насладиться изысканными ароматами. Теперь я распродала последние запасы...

– Скажите, пожалуйста, а кто покупал эти духи? – поинтересовался я. – Может, мы сможем у них выкупить остатки. Жена без ума от аромата духов вашего Жака...

– Да-да, – поспешно подтвердила Лиринна. – Я просто влюбилась в эти духи. Всегда хотелось пользоваться именно таким букетом.

– О, покупателей мало, всего несколько человек, но они были постоянными клиентами, которыми я всегда дорожила и продолжаю дорожить. Благодаря им бутик процветал. Кого-то отпугивала дороговизна, кто-то предпочитал другие марки... эти клиенты всегда приобретали духи Жака, потому что разбирались в парфюмерии и не были стеснены в средствах.

– Не беспокойтесь за наши карманы. Мы сколотили приличное состояние и можем позволить себе не только дорогие духи, – с видом задетого за живое сообщил я.

– Не сомневаюсь в вашей платежеспособности. Существует определенная этика. Я не имею права сообщать информацию о своих клиентах. Они очень уважаемые люди, и я рассчитываю увидеть их снова на пороге магазина. Боюсь, им не понравится, если я стану отправлять к ним всех встречающих, – сурово сдвинула брови Дебби.

– Да, но... – начал я, но владелица перебила:

– Если хотите, я подберу другой аромат. У меня хороший выбор. Вот, к примеру, духи из коллекции, присланной из Бихара, – Дебби потянулась к одной из полок.

– Что скажешь, дорогая? – я обернулся к Лиринне, бешено вращая глазами.

Она поняла намек:

– Хочу только эти духи, – капризно поджав губки, сообщила эльфийка. Даже топнула ножкой в подтверждение своих слов.

– Но Дебби предлагает тебе ничуть не хуже...

– Других не надо, – эльфийка так увлеклась ролью капризной стервы, что едва не закатила форменную истерику. Ей стоит подумать о карьере на театральных подмостках. Я сделал вид, что сдался и безвольно опустил руки. Дебби сочувственно покачала головой.

– Видите! – сказал я. – Жена хочет именно эти духи, а я стараюсь исполнять любые ее прихоти. Помогите, пожалуйста, я за ценой не постою.

– Я бы рада помочь, но не могу, – развела руками владелица лавки.

Потом она посмотрела на большие настенные часы и испуганно охнула.

– В чем дело? – удивился я. – Я сказал что-то не то?

– Простите, пожалуйста, но я вынуждена попросить вас покинуть магазин. Срочно. Я закрываюсь, – сообщила Дебби, энергично подталкивая к выходу.

– Да, но...

Мелодичный перезвон колокольчика за нашими спинами сообщил, что разговор окончен. За стеклом двери появилась табличка с надписью «Закр'ято».

– М-да, – удивился я, почесывая за ухом. – Что с ней случилось?

– Если верить вывеске, то лавка работает до восьми вечера. Неужели сейчас столько времени? – ужаснулась Лиринна.

Я извлек из кармана ручной хронометр на цепочке.

– Да нет, только пятнадцать минут пятого. Еще почти четыре часа до закрытия.

– Странно, – нахмурилась эльфийка. – Мы могли ее чем-то напугать?

– Вряд ли. Думаю, Дебби кого-то ждала – вспомни, какой у нее был вид, когда она посмотрела на часы.

– Что будем делать?

Я оглянулся по сторонам. Поблизости располагалось маленькое кафе под открытым небом. Маленькие уютные столики стояли под раскинутыми зонтиками, между ними сновала официантка с подносами.

– Может, посидим в кафе, выпьем кофе и подумаем? – предложил я.

– Хорошо, – согласилась эльфийка. – Я нагуляла аппетит.

– Пойдем, заморим червячка.

Мы заняли свободный столик, расположенный так, что с него хорошо просматривался вход в парфюмерную лавку, сделали заказ. Я выбрал кофе и немного хрустящего печенья, Лиринна заказала свежавыжатый сок и фруктовый салат. Спустя несколько минут мы узнали, почему нас так поспешно вытолкали из лавки.

– Посмотри, – воскликнула эльфийка, завидев человека уверенной походкой направлявшегося к парфюмерному магазинчику Дебби. – Узнаешь?

– Да, – тихо произнес я. – Мир тесен. Это наш вчерашний знакомый – Гвоздь, парень Толстого Али. Вряд ли он идет за флаконом туалетной воды.

– От него воняло, как от козла. Хороший кусок мыла ему бы не помешал.

Гвоздь подошел к магазину, поднялся по крыльцу, не обращая внимания на табличку, постучал. Дверь открылась, выглянула испуганная Дебби.

Они перекинулись парой слов, причем, как мне показалось, в голосе Гвоздя слышались угрожающие нотки, а владелица магазина оправдывалась. Точь-в-точь как вчера. В итоге девушка все же решилась впустить Гвоздя за порог, и он скрылся за дверью с таким видом, словно ему здесь принадлежало все.

– Судя по ужасу на лице Дебби, с деньгами у нее не все гладко, – резюмировал я, отпивая маленький глоток кофе.

Эльфийка сочувственно вздохнула. Она прекрасно понимала состояние Дебби и знала, что та сейчас испытывает.

– Итак, у нас есть неразговорчивая владелица парфюмерной лавки, у которой проблемы с финансами, парни Толстого Али, пропавший талисман гномов и всего две недели на поиски. Чего не хватает? – спросил я.

– Списка клиентов, – ответила Лиринна.

– Совершенно верно, списка клиентов и...

– И?

– И благородного рыцаря, который на всех парах помчится утешать даму, – пояснил я. Лиринна сделала круглые глаза.

– Гэбрил, только не говори, что после того, что между нами было, ты отправишься утешать эту дамочку! – чуть не задыхаясь от возмущения, произнесла она.

– Что ты! – я поспешил ее успокоить. – У меня есть ты, больше мне никого не надо. На роль рыцаря подойдет... скажем, Гвенни.

– Гвенни?! – эльфийка удивилась во второй раз.

– Гвенни, – кивнул я. – Почему нет? Даже если Дебби не совсем в его вкусе, пускай с ней встретится, пригреет на своей груди и выудит адреса и имена клиентов. Нам больше ничего не надо.

– А он согласится?

– Спрашиваешь! Дебби – красotka хоть куда. У него слюнки ручьями потекут.

– Ох уж эти мужики! Готовы за каждой юбкой бегать.

– Да ладно, Лиринна, я ведь не такой.

– Надеюсь, – улыбнулась эльфийка. – Но если ты положишь глаз на другую, я тебе все руки переломаяю.

Хм, это она может, я знаю. Если эльфийка разъярится, придется спасаться от ее гнева где-то на северном полюсе. Я добродушно улыбнулся:

– Не волнуйся, я одинаково дорожу и тобой и руками. Гвенни еще ничего не знает, но мы его обрадуем прямо сейчас. Поспешим?

Лиринна улыбнулась и ответила поцелуем, таким жарким, что я удивился, как не расплавился вместе с ботинками.

Ближе к вечеру Гвенни покидал редакцию своей газеты и отправлялся домой. Там его ждали покой, таблетка аспирина, бокал вина и растопленный камин. Сегодня к этому списку добавились еще два незваных гостя.

Дворецкий Гвенни хорошо знал меня и совсем не знал Лиринну, поэтому у него возникли затруднения. Приятель слишком хорошо вышколил слугу. Дворецкий долго решал, стоит ли допустить нас в дом, пока хозяин задерживался по пути, но улыбка эльфийки могла растопить даже айсберг. В результате, когда Гвенни оказался на пороге кабинета, мы уже успели добраться до его запасов спиртного и еды. Я доедал жареную курицу, а Лиринна запустила руки в столь любимый Гвенни коктейль из разных сортов орехов.

– Так-так, что я вижу, – покачал головой Гвенни. – Пир горой. Гэбрил, тебя что, в армии не кормили?

– Почему? Кормили как на убой, вот я и привык. Ты не стой, присаживайся, а то останешься голодным, – заметил я с полным ртом.

– Ну, спасибо. Надо же, хозяину разрешили сесть, перекусить после напряженного трудового дня. Приятного аппетита, Лиринна.

– Ум-м, ум-м... спасибо, ум-м.

– Пожалуйста.

Мы очень быстро умяли курицу, потом перешли к другим блюдам. Кухарке Гвенни так и не удалось присесть ни разу за все время нашего небольшого банкета. Когда мы насытились, я решил изложить Гвенни цель визита. Сперва он не поверил своим ушам.

– Ты хочешь, чтобы я окрутил эту дамочку до такой степени, чтобы она забыла об осторожности и выложила всю подноготную?

– Ну да. А что здесь такого?

– Как-то некрасиво.

– А у меня нет другого выбора. Речь идет о жизни и смерти. Мой клиент может умереть через две недели.

– Может быть, ты сам попробуешь приударить? Лиринна многозначительно засопела.

– Понял, – спохватился Гвенни. – Вопрос снимается. Но почему я?

– А кто еще? Где найти второго такого красавца и отчаянного сердцееда? Разве не за тобой тянется длинный шлейф из покоренных женщин?

– Гэбрил, я знаю, что ты врешь, но мне твой треп нравится. Продолжай.

– Про разбитые сердца женщин?

– О них позже. Лучше расскажи, в какую историю умудрился влипнуть на сей раз? Кто твой клиент?

– Извини, служебная тайна. Когда раскрою дело, посвящу тебя в некоторые детали.

– То есть мне придется ждать две недели?

– Как получится. Хотелось бы завершить расследование раньше.

– Ладно, я займусь вашей красоткой, но что я буду с этого иметь?

– Ничего себе заявочки! Это я должен бы брать с тебя деньги за наводку, поэтому отработай за спасибо.

– Приятно слышать слова настоящего друга. По сценарию охмурен должен был начаться перед закрытием магазина. Мы планировали, что Гвенни посетит лавочку Дебби под видом случайного покупателя, купит какую-нибудь безделушку (тут я прошипел сквозь зубы, чтобы он не тратил на покупку большую сумму, мы потом ее, конечно, включим в раздел служебных расходов, но злить клиента понапрасну не стоит), завяжет беседу, а потом под каким-нибудь благовидным предлогом утянет красивую хозяйку в ресторан или ночной клуб (еще одно предупреждение по поводу расходов – деньгами не сорить, гулять на свои).

– Вот это да! Я что ради вас буду тратить собственные наличные? – поразился Гвенни.

– Они вернуться к тебе сторицей, – заверил его я.

Гвенни нарявился как настоящий франт. Пускай ростом он не вышел, но ума и породы ему не занимать.

– Ну, как я выгляжу? – спросил он, красуясь перед большим зеркалом.

– На все сто, – откликнулся я.

– Знаешь, Гвенни, – сообщила Лиринна, – я еще могу передумать и выйти замуж за тебя, а не за Гэбрила. Ты такой красавчик!

– Чего! – Я построил самую свирепую рожу, на которую только оказался способен. – Гвенни, у тебя есть охотничье ружье?

– Нет, зато у меня есть прекрасная коллекция кинжалов.

– Неси ее. Сейчас я что-нибудь подберу для этой неверной.

Мы еще долго шутили примерно в таком духе, пока Гвенни не убедился в том, что готов. Встретиться договорились утром в моей конторе. Я поймал кэб, и приятель укатил на романтическое свидание, благоухая, как чайная роза.

Других планов на сегодня не было. Я спросил Лиринну, когда она в последний раз видела призрака барона Отто фон Бомма.

– Давно. Ему надоело сидеть на одном месте, и он отправился побродить по королевству. Обещал навестить по возвращению.

– Ясно. А Алур? Как поживает наш волшебник?

– Он купил дом в пригороде, живет вместе с Милой, правнучкой и одновременно ученицей. В городе бывает редко. Слышала, что власти хотели привлечь его для своих нужд, но он категорически отказался. Пригрозил устроить кучу неприятностей, если они снова сунутся.

– Молодец старик! Может быть, мы его навестим как-нибудь при случае? – спросил я.

– Закончим дело и навестим. Я испеку пирог. Алур любит ягодные пироги.

– А уж как я их люблю, – произнес я, привлекая к себе эльфийку.

– Сильнее чем меня?

– Ответ отрицательный.

Вечер пролетел настолько незаметно, что я не понял, когда на небе успели загореться звезды. Мы вновь гуляли по вечерним улицам столицы и целовались как сумасшедшие на лужайке возле дома Лигреля.

– Зайдешь? – спросила эльфийка, высвобождаясь из объятий. – Папа о тебе спрашивал.

– Я чувствую себя неловко, – признался я. – Он догадывается о наших отношениях?

– Папа обо всем догадывается, – засмеялась эльфийка. – Про наше вчерашнее прощание под окнами дома ему уже успели напеть все соседи.

– И что он говорит?

– Ему интересно, сумеешь ли ты называть его папой?

– Хороший вопрос, – признался я, ломая в руках шляпу.

Вместо выяснения мы занялись другими, не менее интересными делами.

Я едва успел проскочить через мост до того, как его развели.

Мне почему-то снова приснилась бывшая жена. Мы сидели на веранде старого дома и разговаривали. Она как будто хотела сказать что-то важное, но не могла решиться. Проснулся я с первыми лучами солнца, бодрый и... голодный как волк. До прихода Лиринны удалось умять банку с тушенкой, купленную в одном из круглосуточных магазинчиков.

Эльфийка появилась как по расписанию – в девять часов. В отличие от многих женщин, она отличалась пунктуальностью, но жениться на ней я хотел по совсем другим причинам и не стал бы рвать на голове волосы, опоздай она хоть на несколько часов. Я был готов простить ей все, что угодно.

Мы пили кофе и разговаривали о совершенно посторонних вещах. Она рассказывала, как прожила этот год и сколько ей пришлось всего натерпеться, а я... я испытал чувство растерянности. Все воспоминания за время службы в армии сводились к унылым однообразным армейским будням, к потасовкам и схваткам, из которых мне удавалось с трудом уносить ноги, к тупости большого начальства и к смертельной скуке, бравшей меня в плен в редкие минуты свободы. Неужели эти темы могут заинтересовать Лиринну? Поэтому я все больше молчал и слушал ее ласковый и нежный голос.

Гвенни пришел к десяти. Я сразу понял, что ночью ему так и не удалось сомкнуть глаз, но приятель похоже был только рад.

– Привет Гэбрил, салют Лиринна! Полкоролевства за кофе! – громогласно провозгласил он, усаживаясь за стол.

– Королевство можешь оставить себе, – сообщил я, наливая ему кофе. – Нас интересуют более приземленные вещи вроде списка клиентов. Ты его раздобыл?

– Сейчас, сделаю только один глоток и расскажу все, что узнал, – произнес Гвенни, зажмурившись.

– Тогда пей побыстрее, – я подвинул ему чашку. Гвенни не успокоился, пока не осушил ее до дна, но мы терпеливо дожидались, когда же он, наконец, соизволит сообщить детали.

– Значит так, – решительно начал мой друг. – Позволь поблагодарить вас: Дебби оказалась настоящим сокровищем. Я увидел ее и сразу потерял голову.

– Так-так, – нахмурился я. – Ты потерял голову. Это меня настораживает.

- Мы провели незабываемый вечер...
- Твое помятое лицо наводит на мысль, что и ночь тоже, – ввернул я.
- Фу, Гэбрил, как это пошло...
- Знаешь что, Гвенни, отбросим романтику, лучше расскажи, что удалось вытянуть.
- Ну, она уже успела побывать замужем, муж погиб на войне. Живет одна в небольшой квартире. У нее воспитанная кошка и говорящий попугай.
- Гвенни, я тебе сейчас врежу по шее. Хватит издеваться. Что ты узнал о клиентах?
- Ничего!
- Что?! – вскричали мы.
- Ни-че-го! – по складам повторил Гвенни. – Но у вас есть шанс получить эту информацию от нее, правда, при одном условии.
- Постой, Гвенни, она что, тебя раскусила?
- Конечно, раскусила! – взорвался мой друг. – На что вы рассчитывали? Она же не набилая дура, которая не сумеет сложить в уме два и два.
- И что она хочет?
- Чтобы ей помогли, – теперь уже спокойно отозвался Гвенни. – Ее магазин раньше принадлежал мужу, он успел наделать долгов перед тем, как его призвали в армию, а потом погиб на войне. Теперь Дебби расплачивается по старым долгам, а их набралось немало. Кредиторы накрутили немыслимые проценты.
- Да, эти сволочи умеют вешать ярмо на шею, – согласился я. – Особенно Толстый Али.
- Без него здесь тоже не обошлось. Сегодня она передает одному из парней Толстого Али крупную сумму денег. Это последняя часть долга. Однако сумма настолько велика, что Дебби приходится подумывать о продаже своего дела. Магазин прогорает.
- У нас нет денег, – признался я. – Мы тоже отдаем долги.
- Но Гвенни не слушал.
- Если удастся каким-то образом заполучить обратно эти деньги, то Дебби назовет все имена и адреса.
- Ты толкаешь нас на преступление?
- Нет, на небольшую авантюру. Гэбрил, ты же умный малый, придумай, как помочь, – умоляюще попросил Гвенни.
- Я задумался. Идея Гвенни не пришлась мне по вкусу.
- Может быть, я поговорю с нанимателем, и он согласится заплатить за список некую разумную сумму?
- Ты не знаешь, Дебби, – безапелляционно заявил друг. – Она хочет вернуть свои деньги и, вдобавок, наказать парней Толстого Али. Ты не находишь, что они слишком уж распоясались?
- Я нахожу, что у Дебби чересчур богатая фантазия. Возможно, девушка просто не в ладах с реальным миром.
- Думай, что хочешь, Гэбрил. Я передал ее слова. Либо вы возвращаете Дебби ее деньги, наказав Толстого Али, либо ищите информацию в другом месте. Все, я умываю руки.
- М-да. Задал ты задачку, Гвенни. Если я рискну ограбить Толстого Али, придется радоваться, если удастся дожить до следующего рассвета. Он шуток не понимает.
- Придумай что-нибудь, Гэбрил. Зачем у тебя голова – ведь не только для того, чтобы шляпу носить.
- Но и не для того, чтобы ее отрезали, – огрызнулся я. – Зря мы, наверное, связались с тобой, Гвенни. Ты провалил все дело.
- Я нашел выход и что слышу вместо благодарностей?
- Я подумаю. Во сколько Дебби должна передать деньги?

– В шесть часов вечера. Бандиты придут в магазин. Скорее всего, будет только типчик по кличке Гвоздь. Ребята его сорта не боятся таскаться по городу в одиночку с крупными суммами денег. К тому же за спиной стоит Толстый Али, так что никто не посмеет Гвоздя даже пальцем тронуть.

– Ладно, – сказал я, – есть одна идея. Но потребуется помощь Алура. Сколько добираться до той дыры, куда он себя законопатил?

– Часов пять, может быть, шесть, – ответила Лиринна.

– Тогда этот вариант отпадает. Другого нет.

– А его внучка Мила? Она не может помочь? – спросил Гвенни.

– Мила? Разве она в городе? – удивился я.

– Да, вырвалась за покупками. Старик не боится отпускать ее одну. Каждый раз она останавливается в моем доме, вот и сегодня пришла утром и нас разбудила, – Гвенни даже не заметил, как проговорился, упоминая слово «нас». Я прав, ему сегодня действительно было не до сна.

– И как ей Дебби?

– Дебби... кхм. Я думаю, они нашли общий язык.

– Мила все еще у тебя? Гвенни посмотрел на часы.

– Сейчас ее кормят завтраком, так что минут сорок у нас еще есть.

– Тогда полетели, – решительно произнес я, хватая с вешалки плащ. – Надо успеть ее застать во что бы то ни стало.

Судьба сегодня к нам благоволила: мы поймали кэб почти сразу, как вышли на улицу. Кэбмен был не прочь получить премию за скорость и гнал лошадей как сумасшедший. Мы успели.

Глава 4

Могу сказать с ответственностью за каждое слово – этот год не прошел для Милы впустую. Девушка выросла и в прямом, и в переносном смысле. Похорошела, избавилась от подростковой угловатости, слегка пополнела, приобрела плавность форм и присущую этому возрасту легкую задумчивость. Стоит отметить еще один важный момент: Мила много времени проводила на свежем деревенском воздухе и была свежей, как персик.

Она сидела на летней веранде дома Гвенни и хрустела яблоком. Мы свалились на нее как снег на голову. Увидев нас, девушка вежливо привстала и поздоровалась.

– Мила, солнышко, ты узнаешь Гэбрила и Лиринну? – произнес друг, обнимая девушку за плечи.

– Конечно, Гвенни, – проворковала внучка волшебника. – Здравствуйте, друзья! Я очень рада встретиться с вами снова. Гэбрил, вам было очень трудно на войне?

– Да как тебе сказать, Мила. Точно так же как здесь. Я уже несколько дней в столице, но большой разницы не заметил. Кстати, можешь обращаться на «ты».

– Договорились, – улыбнулась Мила. – У вас такой вид, словно за вами гнались. Что-то стряслось?

– Стряслось. Нужна твоя помощь, – сообщил я.

– Какая помощь?

– Магическая.

Лицо Милы вмиг стало серьезным.

– Магическая? Вряд ли я сумею помочь. Боюсь, это будет мне не по силам. Я всего лишь ученица мага, не больше... – растерянно произнесла девушка.

– Значит, у тебя будет возможность попрактиковаться.

– А как же дедушка? Он не будет возражать?

– Дедушку я возьму на себя. После.

Мила задумалась. Девушки ее возраста любят проявить самостоятельность, однако это как раз тот случай, когда и хочется и колется. Мила разрывалась на части, но я знал, что любопытство в итоге перевесит осторожность. Такова человеческая природа, будь ты хоть трижды волшебница.

– А что надо делать? – наконец решила девушка.

Я изложил план в общих деталях. Он был чистой воды авантюрой, но ничего лучшего в голову не пришло. Разумеется, по ходу рассказа добавил несколько новых штрихов, но в целом план пока был сырой и нуждался в тщательной проработке. Выслушав, Мила отрицательно покачала головой.

– Гэбрил, я не могу. Это, наверное, противозаконно.

– А что такое закон? Противозаконно обирать других людей, пользуясь тем, что они оказались в критической ситуации.

– Я согласна, но... – Мила попробовала встрять в мой монолог, но темперамента ей не доставало. Пока. Вот годиков через пять или шесть...

– Не перебивай, пожалуйста, Мила. Я лично сомневаюсь, что Толстый Али платит королю налоги со своих доходов – значит, он преступник. Толстяк, как паук, раскинул свою сеть по всему городу и ловит жертв, чтобы потом высосать все соки. Неужели тебе не жалко Дебби? Она будет сегодня разорена благодаря Толстому Али. Ей, скорее всего, придется продать магазин, а другого источника доходов у Дебби нет. Что скажешь, Мила? Гвенни говорил, что ты с ней успела подружиться.

– Да, Дебби очень милая женщина. Будет жаль, если с ней что-то произойдет.

– Вот видишь. А совсем недавно люди Али угрожали Лиринне, грозились отдать ее в бордель!

– В бордель?! – ужаснулась внучка волшебника.

Лиринна хмуро кивнула. Ей совсем не нравилось вспоминать о недавних событиях, но она понимала, к чему я веду.

– Да, в бордель, – подтвердил я. – Ну как, ты с нами?

– Да, – согласилась Мила, – с вами. Надо наказать этих мерзавцев так, чтобы они до конца жизни помнили.

На часах было пять минут седьмого вечера. Я стоял неподалеку от магазинчика Дебби и рассматривал отражение в зеркальной витрине галантерейного универмага. Оттуда на меня пялилась... толстая и противная рожа лейтенанта Морса. Как он с такой живет-то?

Мила предупредила, что заклятие личины будет держаться только два часа, потом развеется, и я вновь стану самим собой – частным сыщиком Гэбрилом. Со слов юной волшебницы, у дедушки могло получиться на более долгий срок, но где тот дедушка?

Еще девушка рассказывала, что на человека нельзя накладывать это заклятие больше трех раз, потому что после четвертого раза запросто можно превратиться в отвратительного уродца и прозябать в таком облике до конца дней. Я невольно поежился, представив в воспаленном воображении эту картину. Впрочем, бывшая жена часто утверждала, что я похож на страшное чудовище, за которого она вышла замуж из жалости, значит, последствия четвертого заклинания не смогут мне сильно повредить.

Гвоздь уже скрылся в недрах парфюмерной лавки. На двери снова появилась табличка с лаконичной надписью «Закрето». Он действительно пришел один, ничего и никого не боясь. Я намеревался сбить с него эту спесь.

Прежде чем сделать из меня этого ублюдка Морса, Мила попросила, чтобы я постарался и представил в уме его образ во всех деталях. Особого труда это не составило. Разбудите ночью, и я вам составлю тщательнейший словесный портрет лейтенанта в фас и профиль. Так что проблем не возникло. Лейтенант Морс стоял перед глазами как живой.

Потом Мила погрузила меня в полудремотное состояние, а уж из него я выбрался совсем другим человеком. Во всяком случае, внешне. Мало того, что я выглядел абсолютной копией Морса, девчонка даже смогла превратить мой костюм в лейтенантский мундир. Точь-в-точь такой, что был на Морсе позавчера вечером, когда он подстерег меня в холле.

Дебби не тянула и спровадила Гвоздя восвояси, как только тот получил и пересчитал причитавшиеся деньги. Нагло улыбающийся субъект, держа в руках увесистый баул в котором лежала вся сумма, спустился по крыльцу, сделал несколько шагов и почти сразу наткнулся на меня. Малый сразу смекнул, что я не представляю для него никакой опасности: подумаешь какой-то жирный коп, которому вздумалось совершить вечерний моцион! Гвоздь приветливо подмигнул и хотел продолжить путь. Не тут-то было. Я преградил ему дорогу и громко приказал:

– Стоять!

Мила предупреждала, что голос изменениям не поддается, но Гвоздь забыл манеру разговора Морса или оказался полностью выбит из колеи моим грозным окриком, поэтому не сумел уловить разницу.

– Морс, ты чего? Совсем обурел? – бандит вытаращил глаза.

– Приказываю остановиться.

– Да что с тобой? Тебе что – платят мало?

Ага, вот оно прямое подтверждение продажности. Морс оказался прикормленным копом. Впрочем, я не удивился, так как давно сомневался в его честности, а про порядочность вообще молчу.

– Какое тебе дело, сколько мне платят? Покажи, что у тебя в сумке.

– Морс, отвянь. Не буду я ничего показывать. Хочешь неприятностей, так толстяк тебе их враз обеспечит, только скажи.

Глазки Гвоздя настороженно перебежали с места на место. Я скривил губы в подобие усмешки.

– Говорю тебе, покажи, что в бауле. Гвоздь разозлился:

– А если не покажу, то что?

– Ничего, – сказал я, доставая из кобуры пистолет (Гвенни держал у себя в квартире превосходную имитацию боевого оружия, сделанную из окрашенного черной краской дерева. Пока не поддержишь в руках, в жизни не догадаешься, что перед тобой игрушка). – Дыркой больше, дыркой меньше. Тебе решать, Гвоздь.

– Морс, ну ты и дурак, – испуганно возопил бандит. – Брось пушку, у меня не хуже есть.

Он потянулся рукой в карман, выудил пистолет, но я ударил по пальцам рукояткой игрушки. Больно, по себе знаю. Гвоздь ойкнул и уронил пушку на мостовую. Я спокойно подобрал пистолет и засунул себе за ремень.

– Так будет лучше.

– Ну, ты и сволочь, Морс, – Гвоздь не придумал ничего лучше, как ударить меня по носу. Вижу, что особого пиетета по отношению к полицейской форме он не испытывал. Что же, зарвавшегося субъекта стоило хорошенько поучить. Я легко уклонился от удара и врезал Гвоздю в область солнечного сплетения. Парень сложился пополам. Для того чтобы восстановить дыхалку, ему понадобилось минут пять, не меньше. Надеюсь, теперь он меня зауважал, однако почти сразу я убедился в поспешности сделанного вывода:

– Пошел ты, Морс! – бандит попробовал удрать, но я успел сбить его с ног подсечкой, и Гвоздь растянулся на земле во весь рост, напоминая дождевого червяка на мокрой брусчатке.

– Еще одна попытка и я буду вынужден стрелять, – предупредил я длинного, проведя дулом по его позвоночнику. Бандиту «массаж» не понравился, но он терпеливо молчал. Я убрал оружие и приказал Гвоздю встать.

Длинный поднялся. Он смотрел на меня исподлобья. Я чувствовал его страх и удивление. Он считал меня сумасшедшим: продажный коп взбунтовался и осмелился укусить кормившую руку.

– Давай баул.

На этот раз Гвоздь не стал спорить и отдал сумку. Увесистая – как она ему руку-то не оттянула? Я открыл замок и увидел то, о чем знал наверняка. Сумка почти доверху была набита купюрами самого разного достоинства. Внизу позвякивала разносортная мелочь – где Дебби ее только насобираала?

– Откуда у тебя столько денег?

– Не пори чушь, Морс. Если я скажу, что получил в наследство от бабушки, ты ведь не поверишь.

– Не поверю. Твоя бабушка не могла дожить до этого дня. Она наверняка скончалась, как только ей показали внука.

– Прости, Морс. Другого ответа для тебя нет. Лучше скажи, что собираешься делать с этими деньгами?

Я усмехнулся:

– Не твое собачье дело. Вали отсюда, пока я не передумал и не переломал тебе все кости. Привет толстяку. Передай, что ему пора садиться на диету.

Гвоздь стал пятиться задом, как рак, не спуская с меня испуганных глаз. Отойдя на безопасное расстояние, он не сдержался и крикнул:

– Какой же ты идиот, Морс! Али скормит тебя акулам.

– Чего?! – вскинулся я, нацеливая пистолет на уровень груди бандита.

Гвоздь бросился бежать. Случайные прохожие старались не вылезать из щелей или стремительно пробежали, боясь оказаться свидетелем очень опасной для здоровья разборки. Я дождался, пока Гвоздь скроется в ближайшем переулке, а потом отправился к Гвенни. Там меня ждали остальные.

Обратная метаморфоза произошла по дороге к дому. Я едва успел сесть на ближайшую лавочку, потому что вмиг почувствовал себя выжатым, словно лимон. По лицу пробежала судорога, мышцы тела свело и почти сразу отпустило. Вот и все. Я снова стал собой. Какое это приятное ощущение, словно заново родился.

Хотелось убедиться, что со мной все в порядке. Я на минутку заскочил в ближайшую цирюльню и покрутился перед большим зеркалом, как невеста, примеряющая подвенечное платье за неделю до свадебной церемонии. И цирюльник, и его клиент с намыленной до ушей физиономией смотрели на меня с недоумением.

– Все в порядке, – улыбнулся я. – Просто забыл, как выгляжу, пришлось напомнить. Простите за беспокойство.

– Да ничего, – протянул цирюльник. – Забудете еще раз – приходите смело. Милости просим.

– Спасибо! Теперь бы еще вспомнить, как меня зовут, – рассмеялся я и вышел из цирюльни.

Кажется, цирюльник и его клиент посмотрели друг на друга одновременно и так же одновременно покрутили у виска указательными пальцами.

На лицах Лиринны, Гвенни и Милы явственно читалось нетерпение. Друзья набросились на меня, как бездомные собаки на сахарную косточку. Я сгреб их в охапку и чуть было не задушил.

– Как все прошло, Гэбрил? – спросила эльфийка, на миг ускользая из объятий.

– Как по маслу, – я торжественно помахал в воздухе баулом с деньгами. – Примите и распишитесь.

– Ты молодчина, Гэбрил, – Гвенни повис у меня на плечах, – Они не догадались?

– Не они, а он. Был только Гвоздь. Я думаю, сейчас он сейчас в красках живописует толстяку, что Морс слетел с катушек и отобрал деньги.

– Значит, скоро у Морса будет куча проблем? – обрадовалась Лиринна.

– Нехорошо желать зла ближнему своему, но Морс заслужил. Хотя этот парень скользкий как угорь, должен выкрутиться.

– Жаль, – вздохнула Лиринна.

– Подними носик повыше, детка. Морсу будет несладко, это я гарантирую. Толстый Али не из тех, кто даст обидчикам спуску.

Затем я повернулся к довольному Гвенни:

– Мы свое дело выполнили, переходим ко второй части уговора. Пора отправляться к Дебби. Вернем деньги и узнаем имена клиентов.

Гвенни улыбнулся.

– Не спеши, Гэбрил. Деньги я отвезу один, а имена ты получишь прямо сейчас, не сходя с этого места. Будешь записывать или запомнишь?

Я ахнул:

– Ты все знал с самого начала?!!

– Да, Гэбрил, – потупился он. – Дебби мне все вчера рассказала. Думаешь, она смогла бы устоять после двух бокалов игристого вина и страстного танца при лунном свете? Впрочем, среди нас дети....

– Это вы обо мне, дядя Гвенни? – спросила Мила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.